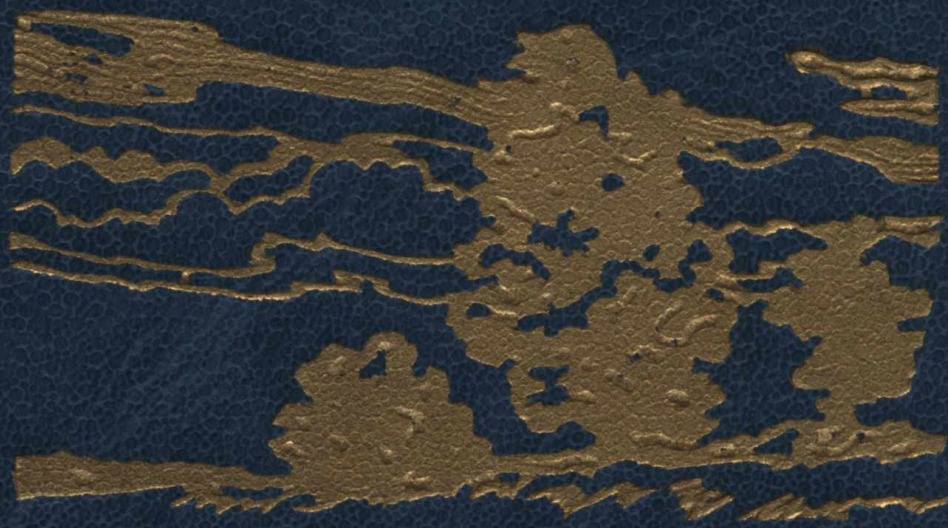
ЯКУБ КОЛАС



РОДНЫЯ ОБРАЗЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
„ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА“

30 коп.

МОСКВА «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
·1982·

Поэтическая
Библиотечка
Школьника

ЯКУБ
КОЛАС

РОДНЫЕ ОБРАЗЫ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Перевод с белорусского

МОСКВА
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1982

С(Бел)2
К 60

Предисловие, составление и примечания
М. ПРОТАСЕВИЧА

Рисунки М. ЛОХМАНОВОЙ

4803010200—324
К———————304—82
М101(03)82

© Предисловие. Иллюстрации. Состав.
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1982 г.

ЯКУБ КОЛАС
1882–1956

Имя народного поэта Белоруссии Якуба Коласа широко известно не только в нашей стране. Его произведения знают многие читатели за рубежом. Он подарил людям целый мир ярких и неповторимых образов, созданных из жизненной правды и мечты.

Якуб Колас (Константин Михайлович Мицкевич) родился 3 ноября 1882 года на хуторе Акинчицы, неподалеку от города Столбцы.

Его отец, бедный крестьянин, служил лесником у князя. Семье часто приходилось перебираться с одного места на другое. Когда Костусю было лет десять, они переехали в Альбуть. Вечерами в избу лесника заходили крестьяне из соседних деревень, приезжие, плотогоны. От старших Костусь много узнал о бедности и бесправии трудящегося человека. Он любил слушать предания и легенды. Расширялся кругозор мальчика, представления о людях и природе наводили его на интересные размышления.

С ними жил брат отца, дядя Антон, человек поэтической натуры. Глубоко и нежно воспринимал он красоту окружающей природы. Костусь учился у него понимать таинственный шум леса, разгадывать тайны из жизни птиц и зверушек, радоваться теплому летнему дождику и первому снегу.

«Звуки, краски всюду чудились ему», как и мальчику Сымонке из поэмы «Сымон-музыкант».

Так взволнуется парнишка,
Что, как будто бы сквозь сон,
Что-то в нем мелькнет, как вспышка,
Только что, не знает он.
И не мог назвать он словом
То, что слышал в звуках тех...[1]

А помогли ему в этом его любимые поэты — Пушкин и Крылов. Он не расставался со стихами и на лугу, и в поле, когда пас скот. Пробовал и сам слагать немудреные песни. После долгих колебаний прочитал родителям свое стихотворение «Весна». Было Костусю тогда двенадцать лет, и учился он в начальной школе.

Одаренность мальчика, его пытливый ум радовали родных и знакомых. Отец старался, чтобы хоть один из сыновей получил образование. Дальнейшая учеба была заветной мечтой и для самого Костуся.

Якуб Колас писал, что еще в детстве он видел много несправедливого и ему хотелось скорее стать взрослым, чтобы заступиться за бедных крестьян, помочь им. А помочь людям он сможет, когда станет учителем, научит их грамоте, и они сами потом найдут себе настоящую дорогу в жизни. Так ему казалось тогда.

Костусь Мицкевич поступил в Несвижскую учительскую семинарию. В семинарские годы он увлекается произведениями Гоголя, Кольцова, Некрасова, Шевченко, Льва Толстого, Адама Мицкевича. И сам пишет стихи. Читает их своим товарищам, выступает на семинарской сцене.

И вот учеба в семинарии закончена. Константин Мицкевич учит крестьянских детей в глухом полесском крае. Изучает местные обычаи, записывает пословицы и поговорки.

Богатей помещик отобрал у крестьян лучшие земли и угодья. И молодой учитель выступает в защиту обиженных, организует выступление крестьян против помещика.

---

[1] Перевод П. Семынина.

«Волна революции в 1905 году захватила меня, — писал Якуб Колас в автобиографии. — Я примкнул к революционному движению вместе со своими товарищами, сельскими учителями. В 1906 году мы создали учительский съезд, но были пойманы полицией, уволены с мест и отданы под суд...»

В этом же году появляется стихотворение «Край родимый», имя автора — Якуб Колас. Этот псевдоним и стал символическим именем поэта и писателя Константина Мицкевича, творческий путь которого полстолетия был неразрывно связан с судьбой своего народа.

За участие в нелегальном учительском съезде и за стихи и рассказы, пронизанные революционным настроением, в сентябре 1908 года Якуб Колас был приговорен к трем годам лишения свободы.

Первая книжка стихов Якуба Коласа вышла из печати в 1910 году, когда поэт находился в тюрьме. Стихи получили высокую оценку Максима Горького. В 1910 году он писал: «В Белоруссии есть два поэта: Якуб Колас и Янко Купала — очень интересные ребята! Так примитивно-просто пишут, так ласково, грустно, искренно. Нашим бы немножко сих качеств!..»

Произведения Максима Горького оказали большое влияние на развитие таланта Якуба Коласа. Об этом он не раз говорил в своих статьях и выступлениях, посвященных великому русскому писателю.

В дооктябрьских стихах, рассказах, очерках Якуб Колас создает правдивые, волнующие картины жизни народа. Читая его произведения, мы побываем в крестьянской избе, походим за сохой вместе с пахарем, узнаем тяжелый труд женщины-крестьянки, испытаем радость встречи с красотой окружающей природы.

Герой поэта — это крестьянин-бедняк, который живет в нищете и отсталости. Но революция 1905 года многому его научила, помогла ему осознать свое человеческое достоинство и свою силу:

Я — мужик, но ум имею.
Будет время и мое.
Я молчу, кричать не смею,
Но когда-нибудь сумею
Крикнуть: «Хлопцы, за ружье!» [1]

(«Мужик»)

Коласовский крестьянин — это внешне простоватый, но добрый и умный человек. Он глубоко любит природу, чувствует ее красоту. Поэт вместе со своими героями помогает читателю по-новому увидеть реки, поля, рощи и дубравы — «образы милые края родного».

Яркие пейзажные зарисовки украшают его поэмы «Новая земля», «Сымон-музыкант».

Великий Октябрь поэт встретил радостно и вдохновенно. Поэт был увлечен грандиозным размахом событий, великими перспективами, открывшимися перед страной и народом.

Перед нами славная дорога,
К труду зовет родимый край.
Пришла весна, работы много —
Науки семя засевай! [2]

(«К труду!»)

Поэмы «Новая земля» и «Сымон-музыкант» Якуб Колас начал писать еще до Октябрьской революции, а закончил уже в советские годы. Якуб Колас хорошо знал, какие нелегкие испытания ожидают талантливого юношу из простых людей в мире неравноправия. Об этом он рассказал в поэме «Сымон-музыкант». Хотя факты из биографии поэта конкретно и не соответствуют перипетиям судьбы Сымона, поэма имеет автобиографический характер. Проявляется это прежде всего в отношениях талантливого юноши к простым людям, к миру природы. Сымон способен удивляться солнечным лучам, голубому небу, голосам,

---

[1] Перевод М. Исаковского.

[2] Перевод Е. Мозолькова.

звукам, шорохам. Отсюда и начинается фантазия, мечта, творческий порыв. Сымон нес в своей игре на скрипке людям радость, помогал им в борьбе за справедливую новую жизнь.

Пошел Сымон своей дорогой,
Понес он людям песен дар —
Огонь души и сердца жар [1]...

В поэме «Новая земля» автор приводит читателя к выводу: только тогда откроется светлая жизнь для угнетенного человека, когда он сумеет «из панских выпутаться пут» — свергнуть своих эксплуататоров.

Следующий этап жизни и борьбы белорусского народа Якуб Колас отобразил в трилогии «На росстанях», состоящей из повестей «В полесской глуши», «В глубине Полесья» и «На росстанях». Над этим произведением писатель работал более 30 лет: первую книгу начал писать в 1921 году, а последнюю закончил в 1954-м.

События, описанные в трилогии, относятся к первому десятилетию XX века и происходят в глухих уголках Полесья, на просторах Минщины, в городах Минске и Вильно (Вильнюсе).

Образ главного героя трилогии, Андрея Лобановича, автобиографичен. Если рассматривать его в сравнении с персонажами других произведений Якуба Коласа, то мы увидим, что он «вырос» из впечатлительного и одаренного мальчика Костуся (поэма «Новая земля»). А его жизненную эстафету дальше, в годы империалистической войны, в дни Октября и гражданской войны, понесет Борис Дежа — один из героев поэмы «На путях свободы».

О борьбе белорусских партизан под руководством большевиков против иностранной интервенции 1919—1920 годов Якуб Колас рассказал в повести «Трясина», написанной на конкретном историческом материале. Она стала любимой книгой как взрослых, так и ребят. Удивительный

---

[1] Перевод Б. Иринина.

образ деда Талаша воспринимается читателем как образ национального героя.

Страна залечивала раны, нанесенные войной, развивалось народное хозяйство и образование. О том, какое участие в этом принимала молодежь 20-х годов, повесть «На просторах жизни».

Трудящиеся Западной Белоруссии почти 20 лет вели мужественную борьбу за свое освобождение и воссоединение с братьями и сестрами, которые жили в Советской Белоруссии. Свободу принесли им советские солдаты в 1939 году. Этим событиям посвящена поэма «Хата рыбака».

В советское время Якуб Колас создал также яркие образцы пейзажной и общественно-политической лирики. Его стихи о природе отличаются глубоким лиризмом, музыкальностью, гармонией красок и звуков:

Что за ночь! В тишине
Травы засыпают.
Ясный месяц в вышине
Сказку начинает.

Небо слушает тот сказ,
Тучки не качнутся,
Лишь порой — в который раз? —
Звезды улыбнутся.

Чтобы сказочнику их
Было веселее,
Чтобы в небе в этот миг
Делалось светлее... [1]

(«Ночь»)

Якуб Колас выступал пламенным певцом дружбы народов. Понятие Родины в его лирике получило широкое выражение. Родина — не только Белоруссия, это весь многонациональный Советский Союз.

Все живем мы семьею согласной
На просторах советской страны,

---

[1] Перевод М. Исаковского.

И, как день, нам пути наши ясны
И огни нашей цели видны...
(«Поэтам советской земли»)

В годы Великой Отечественной войны Якуб Колас пережил горечь разлуки с родной землей. Страдания и горе людей на временно оккупированной территории вызывали глубокую боль в сердце поэта.

В его стихах звучал призыв к борьбе, к возмездию и твердая вера в победу.

Вставай, народ, всю мощь и силу
Вздымайте, села, города!
Пусть злую гибель и могилу
Найдет фашистская орда! [2]
(«Копайте яму, долокопы»)

Среди советских воинов, героически защищавших священные рубежи нашей Отчизны, был и сын Якуба Коласа — Юрий. Он погиб в тяжелом бою с врагом на смоленской земле в 1941 году.

Главная тема послевоенных стихотворений народного поэта Белоруссии — труд советских людей, строителей коммунистического общества, и защита мира на земле.

Творческое наследие Якуба Коласа — это мудрая и бессмертная книга о жизни и борьбе белорусского народа за свое счастье на протяжении полстолетия. И немало страниц в этой книге адресовано юному читателю. Якуб Колас всю жизнь был близок к детям, проявлял о них искреннюю заботу. В дореволюционное время, когда он работал сельским учителем, не раз покупал на свои деньги для крестьянских ребят обувь и одежду. В 1930 году Якуб Колас передал минскому детскому дому весь гонорар за поэму «Сымон-музыкант». После Великой Отечественной войны он помог построить школу на своей родине, в селе

---

[1] Перевод Б. Иринина.
[2] Перевод С. Городецкого.

Николаевщине Минской области. Со многими ребятами Якуб Колас вел переписку, помогал им получить профессию и определить свой путь в жизни. К молодежи поэт относился с великой любовью, доверием и надеждой. В одном из послевоенных стихотворений он писал:

Навстречу дням,
Шагая с жизнью в ногу,
Неси свой дар святой
В мир светлый, дорогой,
Благословляя юность
В путь-дорогу [1].

(«В пути»)

Тысячи людей обращались к Якубу Коласу со своими нуждами и радостями. И каждый, будь то писатель или ученый, рабочий или колхозник, студент или школьник, получал от него добрый совет и необходимую помощь делом.

Высоким доверием народ облек песняра своей судьбы.

Якуб Колас много раз избирался депутатом Верховного Совета СССР и БССР, был членом ЦК Коммунистической партии Белоруссии, награжден пять раз орденом Ленина, орденами Красного Знамени и Трудового Красного Знамени, медалями, дважды удостоен Государственной премии СССР, 28 лет работал вице-президентом Белорусской Академии наук.

Отмечая столетие со дня рождения Якуба Коласа, народ еще раз торжественно подтверждает свою любовь и уважение к великому поэту, творческое наследие которого стало достоянием и гордостью нашей многонациональной страны.

Произведения Якуба Коласа щедро обогащают духовный мир читателя, приносят ему эстетическую радость и вдохновение.

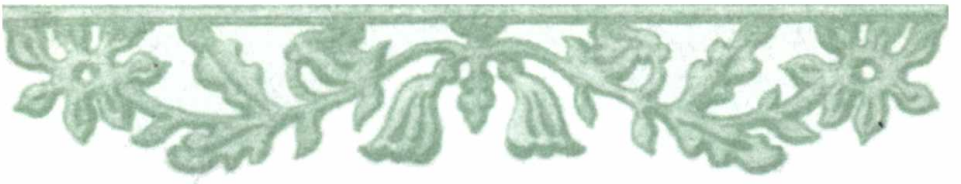
И быть им любимыми у читателя долгие-долгие годы.

М. Протасевич

---

[1] Перевод Е. Мозолькова.

СТИХОТВОРЕНИЯ



* * *

Не ищите, не просите
Светлых песен у меня,
Только песню заиграю —
Жжет печаль сильней огня.

Я шутил бы и смеялся,
Чтобы вас развеселить,
Да на жизнь вокруг посмотришь —
Начинает сердце ныть.

Несчастлива наша доля:
Ничего нам не дала.
Не ищите цвета в поле,
Ведь весна к нам не пришла.

1904

НАША ВОЗЬМЕТ

Мы ходим — спотыкаемся,
Шатаемся, как пьяные,
Мы с голодом сроднилися,
Истерзанные, рваные.

Осмеяны, обруганы,
Идем, совсем заплеваны,
Богатыми обмануты,
Неволею окованы.

В густой грязи затоптаны,
В глухие щели брошены,
Глаза у нас завязаны
И уши запорошены.

Одно мы знаем на́твердо:
Пусть долго мы скитаемся,
А все-таки когда-нибудь
Мы с правдой повстречаемся.

1907

РОДНЫЕ ОБРАЗЫ

Образы милые края родного,
Грусть моя, радость моя!
Сердце стремится к вам снова и снова,
Чем же прикован к вам я?

Речки, курганы, пригорки и дали,
Поле и лес мой родной,
Полные грусти и горькой печали,
Веете скорбной красой.

Только усталые веки смежаю,
В городе, здесь, в тишине,
Образы милые, вас созерцаю,
Вы прилетели ко мне.

Слышится шорох желтеющей нивы,
Трепетный голос полей,
Леса дремучего шум-гуд счастливый,
Песня дубовых ветвей...

Помню вас, братья мои сиротливые,
Помню вас, люди труда,
Песни страдания, песни тоскливые,
Слышу я, помню всегда.

1908

МУЖИК

Я — мужик, бедняк постылый,
И меня «жалеет» всяк:
Кровь сосет и тянет жилы,
Надрывает мои силы,
Прижимает так и сяк.

Я — мужик. В неволе лютой
На мякине вырос я,
От ботвы — живот раздутый,
Ноги в лапотки обуты,
Рвань — одежда вся моя.

Я — мужик, я — сын заботы,
Недоем и недосплю,
Надрываюсь над работой,
День стараюсь за два злотых,
Издевательства терплю.

Я — мужик, не слышу звона,
Всё же ест меня червяк:
А не врет ли поп с амвона,
Что царю бог дал корону?
Ой, не может быть, не так!

Я — мужик, но ум имею.
Будет время и мое.
Я молчу, кричать не смею,
Но когда-нибудь сумею
Крикнуть: «Хлопцы, за ружье!»

1909

В ШКОЛУ

Чинит сыну свитку
На скамейке матка:
Завтра утром в школу
Побежит Игнатка!

Ярко пень смолистый
На шестке пылает.
На колодке батька
Лапти доплетает.

Он дровец подбросил —
Огонек на диво!
За его работой
Сын следит пытливо.

Светлая головка
Мыслями объята,
И от этих думок
Блеск в глазах Игната.

«Ну, Игнат, гляди, брат,
Не балуй, учися.
Хватит жить без дела —
За букварь возьмися.

Будь, сынок, прилежным,
Подрастай скорее.
Будешь ты читать нам, —
Мы ведь не умеем.

Что мы в мире значим,
Кто мы в мире этом?

Ведь темны мы сами
И не видим света.

Слушай, что учитель
Говорить там будет
Про науку в книге
И о темных людях.

А прилежным будешь,
Мой сынок, наследник,
Я продам коровку
И кожух последний.

Чтоб ты шел в науку,
Только б не ленился,
Чтобы ты к ученью
Всей душой стремился.

На игру пустую
Ты махни рукою,
Чтобы мы гордились
С матерью тобою».

На наказ отцовский
Отвечал Игнатка:
«Буду так учиться,
Как велишь ты, батька!»

А как спать улегся,
Мысли поневоле
В грезах говорили
Мальчику о школе.

1910

ДУБ

Как скала, стоит
Коренастый дуб,
Далеко видна
Шапка пышная.

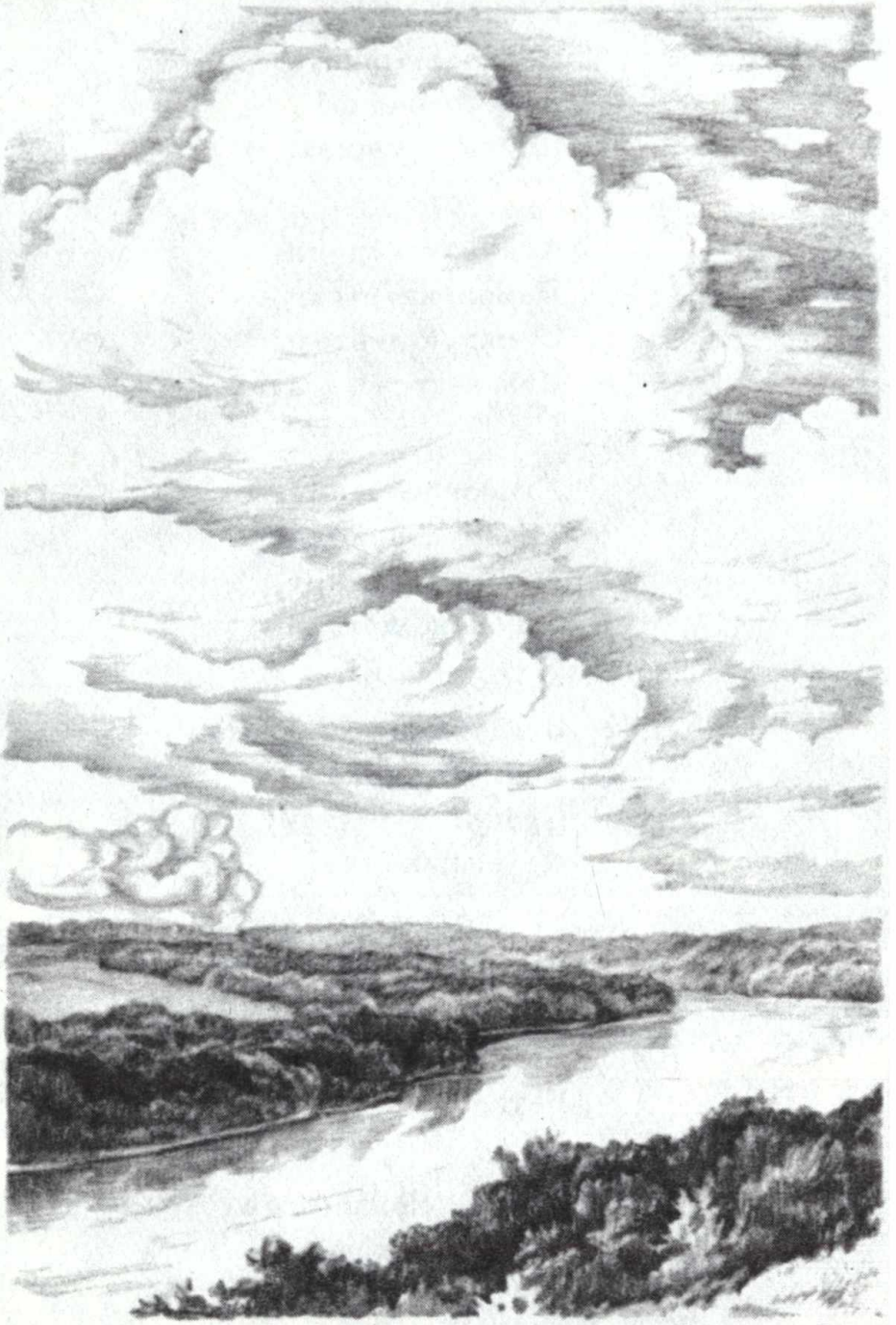
А внизу под ним
Неман катится,
Стежкой-лентою
Извивается.

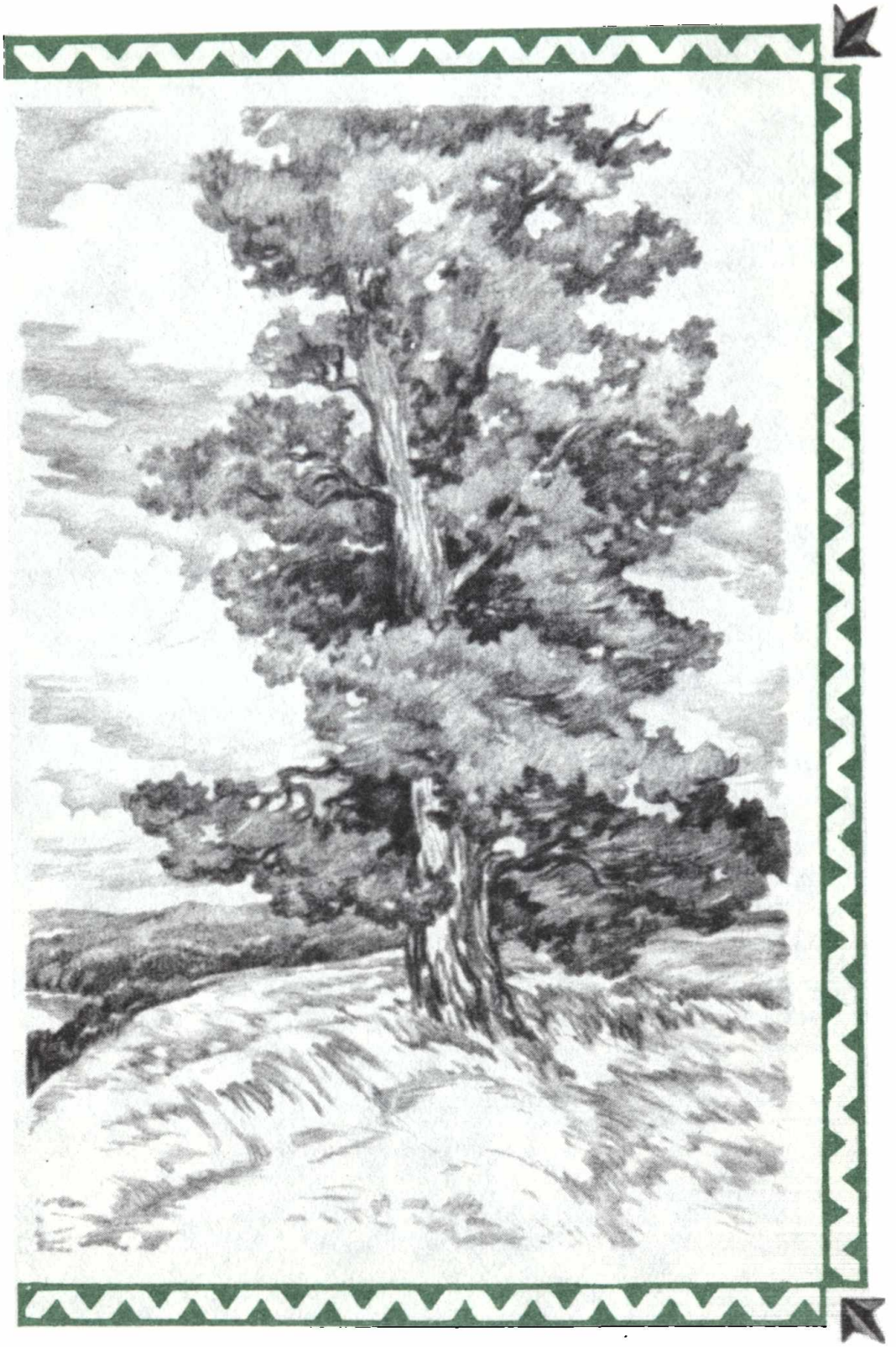
У корней его
Травы стелются,
А вокруг лежит,
Зеленея, луг.

В глубь земли вросли
Корни цепкие.
Крепко дуб стоит,
Не колышется!

Поднимает он
К небу синему
Во все стороны
Ветви крепкие.

Комель кряжистый
Дышит силою,
А посмотришь вверх —
Шапка валится.





Крепок старый дуб,
Сын веков седых,
Пережил он всё
На веку своем!

Налетел на дуб
Ветер с грозами —
Не согнулся он
Перед бурею.

Эй ты, старый дуб,
Верный страж веков!
Льется вдаль твой шум
Песней-музыкой.

А про что шумишь
И о чем поешь,
Знают-ведают
Ветры вольные,

Что с тобой ведут
Разговор живой
В пору летнюю
Или осенью.

Я подслушаю
Тот знакомый шум,
Из него во мне
Песня сложится.

1910

БУДЬ ТВЕРДЫМ

Ты не гнись, мой брат, вовеки
Хилою травою, —
Выкуй счастье человека
Собственной рукою.

Хоть толкуют, что с поклона
Голову не ломит, —
Знай: с татарского полона
Слово это ходит.

Не проси и не надейся
Вовсе на подмогу:
Сам с судьбой-злодейкой бейся,
Сам ищи дорогу!

Хоть помогут тебе люди
Отыскать дороги,
Лишь собьешься, снова будешь
Обивать пороги.

Не ласкайся к сильным, милый,
Лестью честь не купишь:
Будешь жить чужою силой —
Образ свой забудешь.

А едва начнешь шататься —
Люди отшатнутся:
Лучше вольным, брат, сломаться,
Чем терпеть да гнуться!

1912

БУДЕТ ГРОЗА!

Ночь наступает, и тучи встают,
Лозы тревожно беседу ведут.
Шепчутся робко листы меж собой,
Спрятался месяца рог золотой.

Начали грозно зарницы играть,
Гром посылает могучую рать.
Тьма подступает мрачней и мрачней...
Грянь же ты, буря, да грянь посильней!

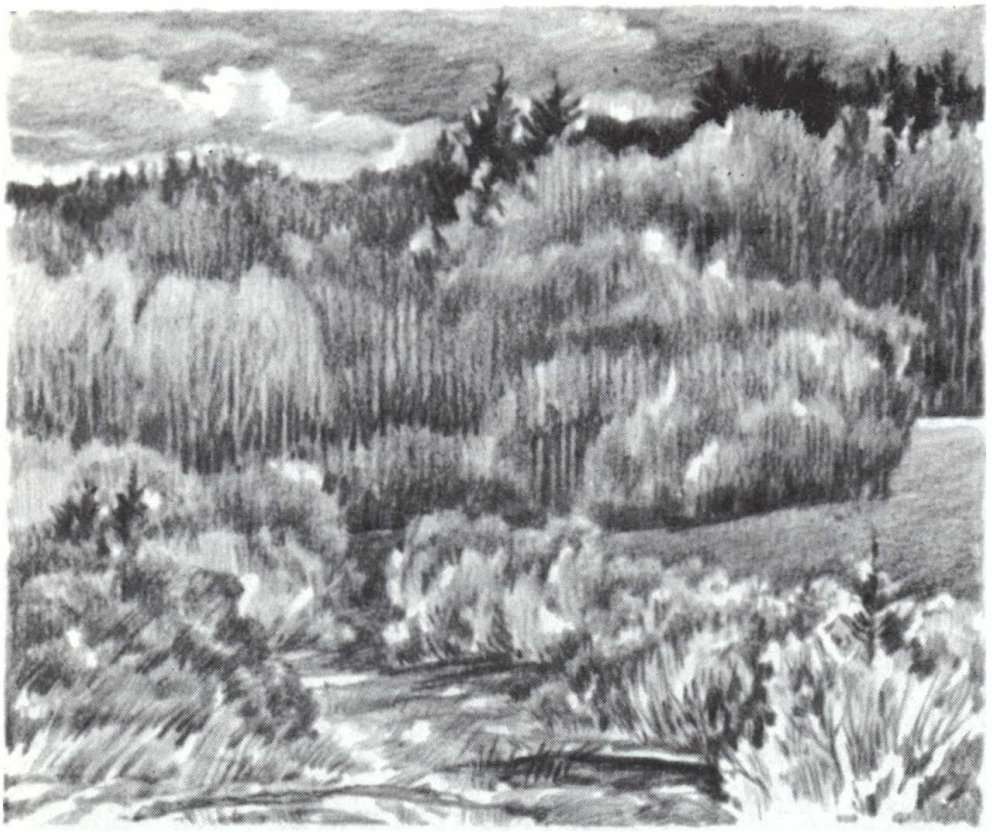
1912

ПОЛЕСЬЕ

Край лесов, край болот
И туманов гнилых,
Хоть ты беден и глух
И хоть в лозах твоих
Ветер осенью злобно шумит, —
Всё же мил ты мне... Чем?
Я не знаю и сам,
Но твой образ моим
Пригляделся глазам,
И к тебе мое сердце лежит.

Я люблю твой простор
И болота твои,
Где шуршат тростники,
Где бубнят буганы
И где травы, как море, легли.
Если лес там — так лес! —
В десять дней не пройдешь.
А простор — так простор! —
И конца не найдешь,
Не охватишь и взглядом земли.

Я люблю твой покой,
Ясность тихих деньков,
Золотистый убор
И полей и лесов,
Что под солнцем осенним горит.



Я теперь далеко
От полесских равнин,
Но люблю я тот край,
Я родной его сын.
И о нем мое сердце болит.

1916

К ТРУДУ!

Пред нами славная дорога,
К труду зовет родимый край.
Пришла весна, работы много —
Науки семя засевай!

Туда, где тьма царила злая,
Несите правды свет живой,
Чтоб озарил он, пробуждая,
Все уголки земли родной.

Пусть будет жизнь светлей и краше!
Не плеть царя, не панский кнут —
Пускай навек в отчизне нашей
Владыкой станет вольный труд!

1917

ЭХО

Коса ли звенит на покосе стальная,
Иль девушка песню поет,
Проносится ль ветер от края до края,
Иль буря ночами ревет,

То ль гром в небесах перебранку заводит,
Потоки ли катятся с гор —
Всё отклик в широких просторах находит,
Всему отвечает простор.

И ты, коль про горе людское узнаешь,
Скорей отзовись, отвечай!
И ты, если кривду людскую встречаешь,
Быстрее свой голос подай!

А радость увидишь — надежды взовьются,
И птицей они полетят,
Пускай твои струны тогда засмеются
И песнею счастья звучат!

20 ноября 1921

НОЧЬ

Что за ночь! В тишине
Травы засыпают.
Ясный месяц в вышине
Сказку начинает.

Небо слушает тот сказ,
Тучки не качнутся,
Лишь порой — в который раз? —
Звезды улыбнутся,

Чтобы сказочнику их
Было веселее,
Чтобы в небе в этот миг
Делалось светлее.

Только он от похвалы
Что-то застыдился:
Сторож ночи, сторож мглы
Потемнел и скрылся,

Потемнел, увял, поблек
В тучках молчаливых,
И на землю гуще лег
Сумрак сиротливый.

1922

ПЕСНЯ О ВЕСНЕ

Уходи, мороз-дедуля!
Слышишь, старый, или нет?
На пригорках «гули-гули» —
То весна нам шлет привет.

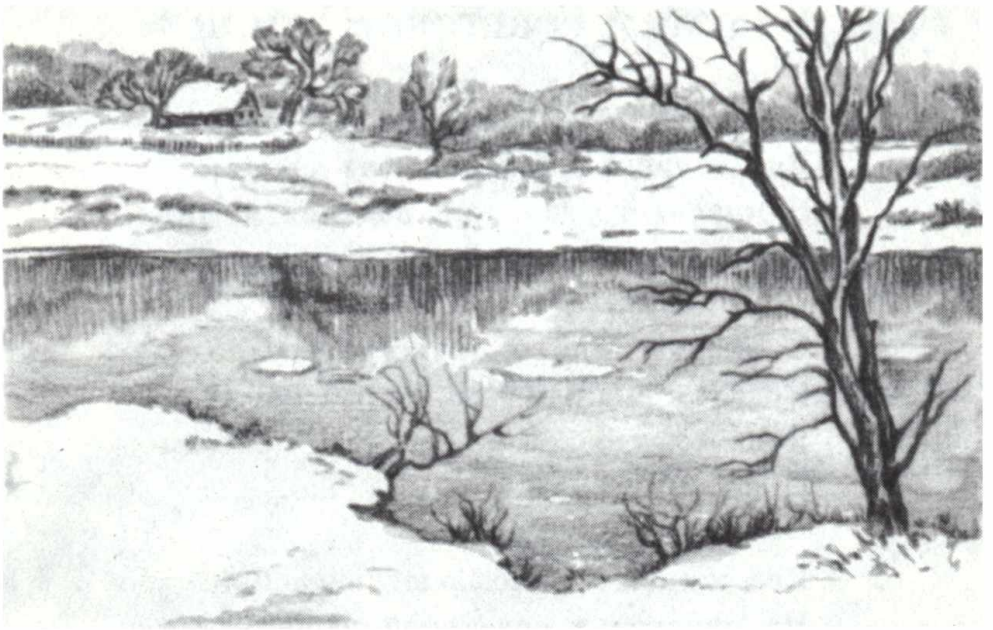
Льется, весело играя,
Ручеек — гонец весны.
На него, как мать родная,
Солнце смотрит с вышины.

Он смеется, он трепещет,
Он сверкает и дрожит,
А другой ему навстречу
С шумной радостью бежит.

Ты послушай, дед суровый,
Посмотри на небеса!
Песней радостною, новой
Льются, плещут голоса.

А зима аж почернела —
Хватит здесь ей кросна ткать!
Детвора, из хаты смело
Выходи весну встречать!

Возле хаты, у калитки,
Славно бегать и играть.
Собирай, зима, пожитки,
Полно нас в плену держать.



Молодая весна,
Золотая пора!
Будь красна и ясна,
Не жалей нам добра.

Словно мать, приласкай,
Силой нас наливай,
Чтоб росли и цвели
Дети нашей земли.
Мы венок заплетем,
Тебе песню споем.

1922

ПОЭТАМ СОВЕТСКОЙ ЗЕМЛИ

Распахнем мы вам двери пошире,
Вас встречая как близких своих,
В красный угол, как водится в мире,
Мы посадим гостей дорогих.

В откровенной и дружной беседе
Поведем мы трудам нашим счет,
Что, мол, сделали мы, что — соседи
И что надо нам сделать еще.

Все живем мы семьею согласной
На просторах советской страны,
И, как день, нам пути наши ясны
И огни нашей цели видны:

Для отчизны слагать свои песни,
Как никто не слагал никогда,
Чтобы пели их с нами совместно
Все деревни и все города.

И любовь не иссякнет в народе
К нам, поэтам советской земли,
Что в великие дни половодья
Нераздельной семьею взросли.

7 февраля 1936

ПРИВЕТ МОСКВЕ

Великих звезд Кремлевских свет
К нам от тебя струится.
Мы шлем тебе, Москва, привет.
Прими его, столица!

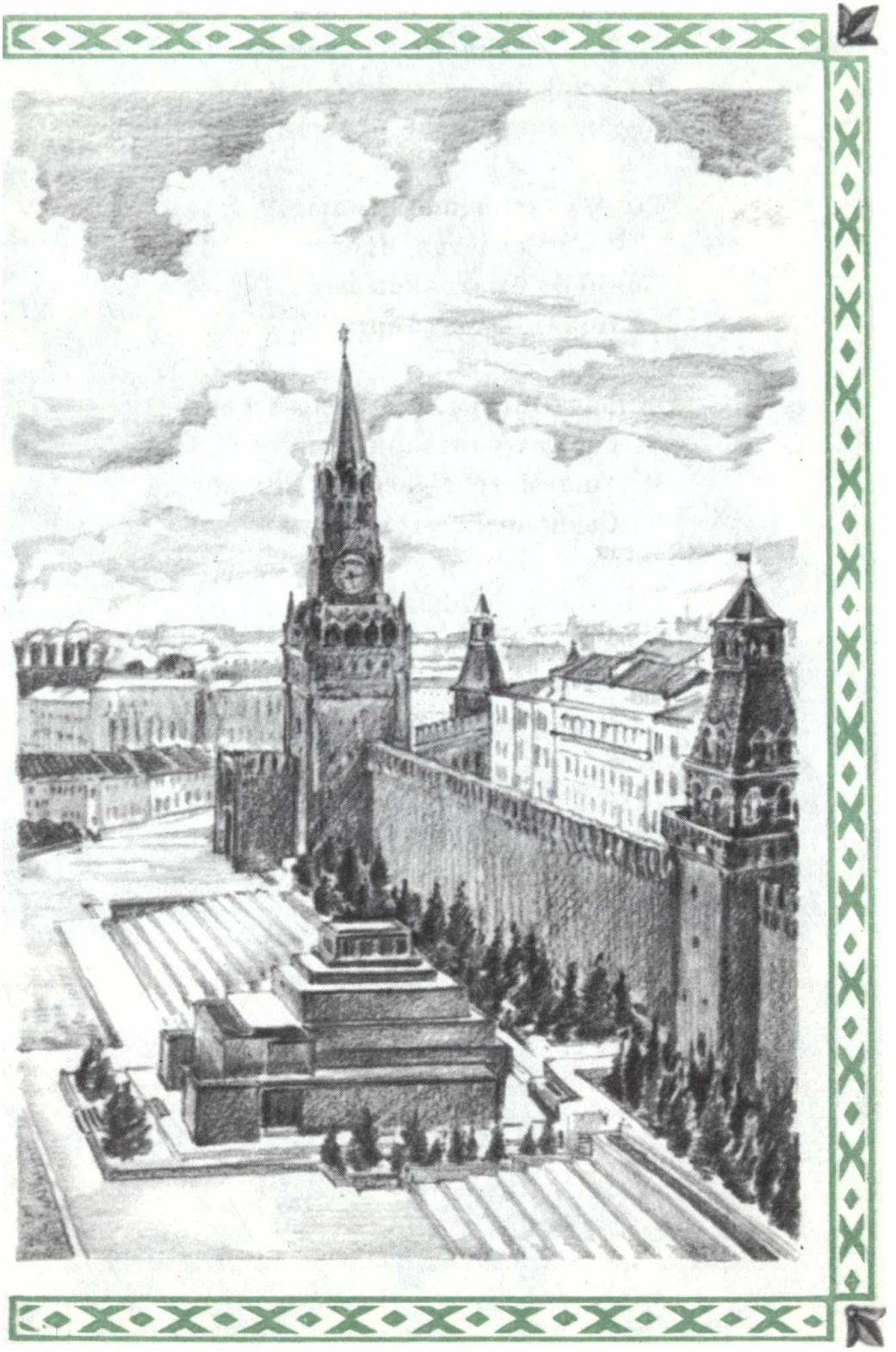
Ты — стяг нашей силы,
Ты — воли простор,
Прямой, быстрокрылый
Полет выше гор.

От городов, колхозных нив
И от любой столицы
Прими, Москва, сердец порыв,
Как шум живой криницы.

Ты — стяг нашей силы,
Ты — дружбы простор,
Прямой, быстрокрылый
Полет выше гор.

Огням твоим, что над Кремлем
Пылают, как зарницы,
Мы лучшие венки совьем
Из жита и пшеницы.

Ты — стяг нашей силы,
Ты — славы простор,
Прямой, быстрокрылый
Полет выше гор.



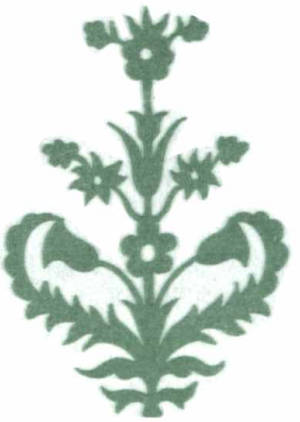
Прогнали тьму твои огни,
И нет для них границы,
На всей земле видны они,
Их света враг страшится.

Ты — стяг нашей силы,
Ты — счастья простор,
Прямой, быстрокрылый
Полет выше гор.

Живи, Москва! На целый свет
Горят твои зарницы.
Мы шлем тебе, сестра, привет
Сердечный от сестрицы.

Ты — стяг нашей силы,
Ты — правды простор,
Прямой, быстрокрылый
Полет выше гор.

1939



КОПАЙТЕ ЯМУ, ДОЛОКОПЫ

Земля в огне и в горьком дыме,
Разносит ветер гарь и чад.
Мир проклинает злое имя
Того, кто бешенством объят.

Колосья нив безбрежных стонут,
Призывный шум несут леса,
И ловит слух настороженно
Земли родимой голоса:

«Вставай, народ, всю мощь и силу
Вздымайте, села, города!
Пусть злую гибель и могилу
Найдет фашистская орда!

Сметай ее стальной метлою
Всю, до последнего полка,
И пусть под тучей грозовою
Не дрогнут сердце и рука!

Копайте яму, долокопы,
Чтобы в ее холодный прах
Упал навек тиран Европы,
Свободы, мира лютый враг!»

1941

М. Д. М.

Ты далеко. Во мраке ночи
Всё в снежном вихрится дыму.
Степной буран слепит мне очи,
И мне тоскливо одному.

Тоскливых дней с тобой немало
В разлуке прожил я, скорбя, —
Хочу, чтоб в песне прозвучало
Все, что я думал про тебя.

Мне ведом твой удел жестокий,
Ты горечь дум пила до дна,
Понятны мне твои упреки,
Хоть ты в душе моей одна.

Прости! Что вымолвить мне боле,
Поникнув тихо головой?
Забудь обиды, муки, боли —
Тобой я жил, живу тобой.

Близка и далека ты. Ночью
Всё в снежном вихрится дыму.
Ночная степь глядит мне в очи,
И мне тоскливо одному.

25 января 1943

УЗБЕКИСТАНУ

Пришел мой час. Я покидаю
Тебя, Узбекский край,
И тяжко ласковому краю
Сказать: прости-прощай!

Иное небо надо мною
Шатер раскинет свой.
Огнями ярких зорь весною
Ты вспыхнешь предо мной.

Я всей душой своей почую
Твоих степей простор.
Я отблеск солнца поцелую
С узбекских дальних гор.

Припомню город, шумный, звонкий,
И парки, и сады,
Салар, узор арыков тонкий
И тополей ряды.

Я вспомню храм тиши, покоя —
Заснеженный Чимган,
И по тебе душа заноет,
Край гор, Узбекистан.

В тяжелый час войны суровой
Ты дал приют и мне,
С узбеком мы слагали слово
И песни о войне.

И меч один мы с ним ковали
На злобный вражий стан.
Ты обогрел меня в печали,
Мой брат, Узбекистан.

Повеял снова ветер вешний
Над нашею землей.
Прими же, друг, ты с этой песней
Привет прощальный мой.

23 октября 1943

В РОДНЫХ МЕСТАХ

Пять лет прошло. Я снова в милом Устье,
В том уголке, что облюбован мной,
Где я когда-то отдыхал душой,
Где каждый кустик помню наизусть я.

На холмик устьинский я медленно шагаю...
Гвоздика белая, чебрец на нем...
Как старый дуб, что опален огнем,
Я никну головой, былое вспоминая.

Стою и молча вглядываюсь в дали,
Места родные нелегко узнать —
Здесь и деревьев поредела рать,
Как тех людей, что край мой украшали.

Безлюдье, тишь. Высокою травою
Знакомые усадьбы заросли,
И средь руин, меняя лик земли,
Шумит кустарник молодой листвою.

Тропинки той, что к речке Балачанке
Сбегала вниз, теперь в помине нет,
Лишь в памяти моей оставив след,
Она исчезла с солнечной полянки.

И тех, с кем жил я дружною семьею,
Здесь не найдешь: кто выселился сам
К безрадостным, последним рубежам,
Где крест стоит над насыпью сырою;

Других война по свету разбросала.
Не все из них воротятся назад;
А скольких в рабстве мучил ворог-кат, —
Могилой им земля чужая стала.

И, ужасы войны напоминая,
На всем видны отметины ее,
Но с новой силой славит бытие
В лесах сожженных поросль молодая.

Растущих сил победное движенье
Не гитлерам унять, остановить.
Вновь жизнь снует за ниточкою нить
И миру ткет основу обновленья.

И знаю я: мы раны все залечим,
Из пепла край мой встанет, расцветет,
К высотам счастья вновь придет народ, —
Наш светел путь, он солнцем правды мечен.

8—9 июля 1945

В ПУТИ

Ты утомлен,
Не близкая дорога...
Ну что ж, сядь, отдохни
И путь свой огляни —
От первых дней
До старости порога.

Ты всё узнал
В скитаньях неустанных:
Огни и грохот бурь
И светлых дней лазурь,
Свершений торжество
И радость встреч нежданных.

И много ты
Богатств неисчислимых
Собрал в сердцах людских,
В напевах, мыслях их,
В глуши дремучих пущ,
В полях родимых.

Из тех богатств,
Как ткач неугомонный,
Узор чудесный ткал,
Что красками сверкал
В родном краю,
В лесах, средь нив стозвонных,

И пусть не всё,
Что собирал годами,

Что накопил в пути,
Сумел ты донести,
Пусть многое
Развеяно ветрами,

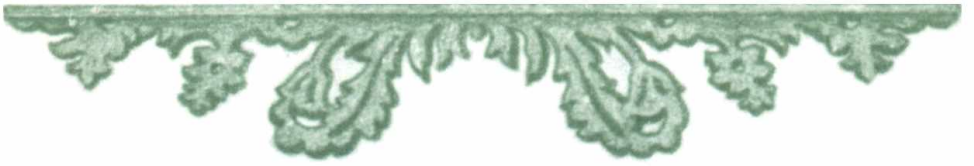
И меньше сил,
И времени пусть мало,
И страшен след утрат, —
Что ж? Мужеством богат,
Вновь собирай,
Что бурею умчало.

Навстречу дням,
Шагая с жизнью в ногу,
Неси свой дар святой
В мир светлый, дорогой,
Благословляя юность
В путь-дорогу.

8 октября 1945

ИЗ ПОЭМЫ

„НОВАЯ ЗЕМЛЯ“

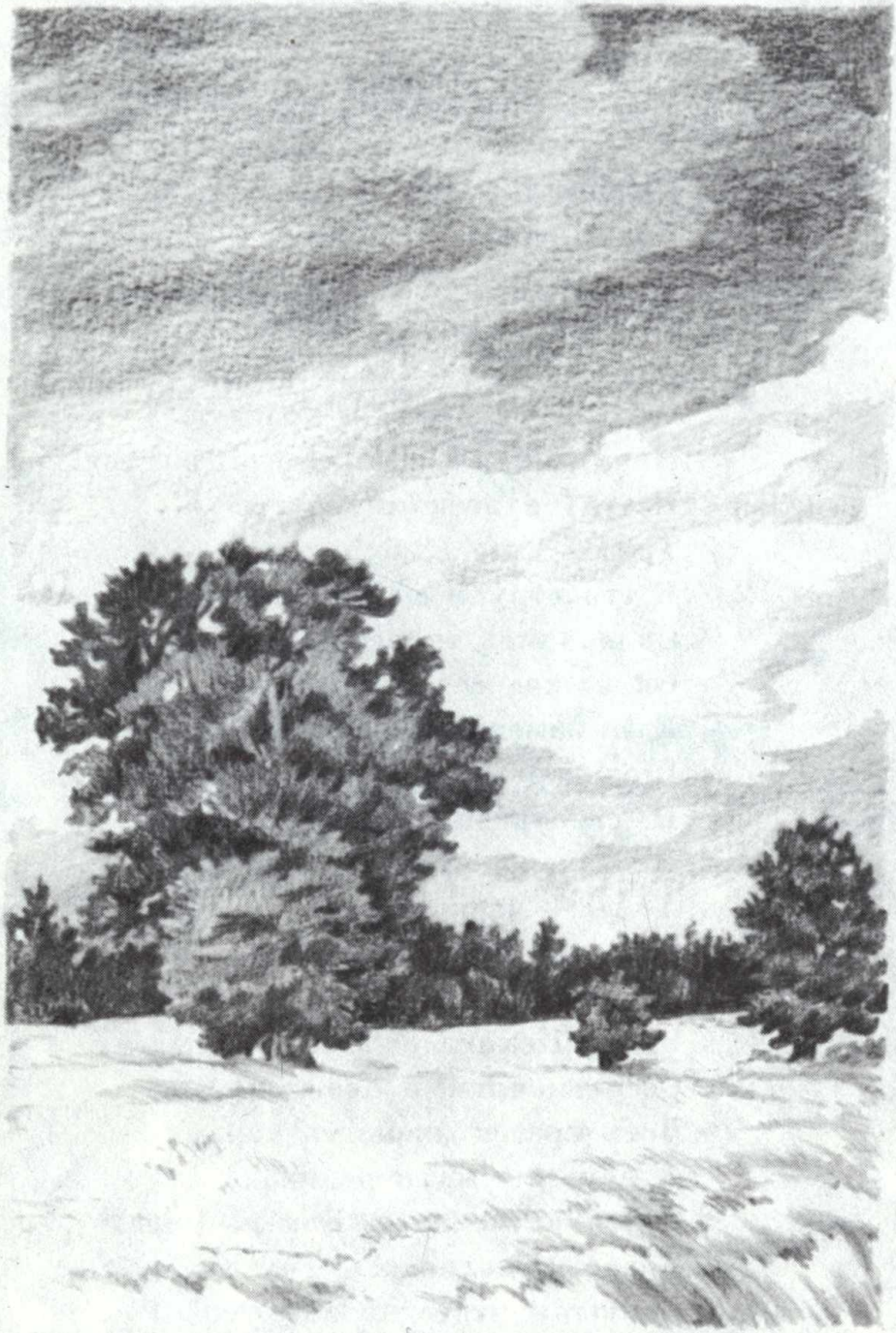


1. УСАДЬБА ЛЕСНИКА

О детства уголок мой милый!
С тобой расстаться я не в силах,
Как часто, утомлен дорогой,
Годами юности убогой,
К тебе я в думах улетаю
И там душою отдыхаю.
Не раз душа моя мечтала
Дорогу жизни всю сначала
Пройти еще раз, оглянуться,
Убрать с пути каменья злые,
Что губят силы молодые,
И вновь к весне моей вернуться.
Весна, весна моя! О, где ты?
Не я, твоим теплом согретый,
Приход твой радостный встречаю, —
Тебя я только провожаю.
Навеки скрылась та волна,
Что вдаль рекой унесена.
Не раз она в парах летучих
Дойдет на крыльях солнца к тучам,
Чтоб вновь на дол упасть туманом
Иль частым дождиком пролиться:
Никто не выйдет из границы
Седых законов, жизнью данных.
И ты, и ты, моя весна,
Вновь не придешь, как та волна!

Вот и теперь передо мною
Встает мой уголок пригожий,
Криницы узенькое ложе,
И елка с тихою сосною,
Обнявшиеся над водою,
Как молодые в час разлуки,
В час клятвы и любовной муки.
И вижу лес я возле хаты,
Где, взявшись за руки, девчата
Играли песни дружным хором,
Идя с работы шагом скорым.
Напевы песен их раздольных
По лесу звонко разливались,
Им все пригорки откликались,
И радость пела в звуках вольных.
А сосны, ели вековые
Под эти песни молодые
Стояли в молчаливой думе,
И в их неуловимом шуме,
В печально-сумрачном смиренье
Как будто чудилось моленье.
Вблизи сторожки лесниковой
Лес выгибался, как подкова, —
Высокий, старый и тенистый.
Шатер осины круглолистой
Сплетался с соснами, дубами,
А елки хмурыми крестами
На небе четко выделялись
И словно с тучами шептались.
Они стояли, точно вдовы,
Поодаль, хмуро-одиноко,
Поднявши к облакам высоко
Своих вершин наряд суровый.

Лес наступал и расступался,
Лужком зеленым разрывался
И обнимал двумя крылами
Приветно хату, и ветвями
Шумел над речкой, колыхался.
А снизу этот лес косматый
Подбит был выпушкой богатой:
Лозой, черемухой, крушиной,
Ольхой кудрявой и рябиной.
Глядишь, бывало, и сдается,
Что через эту ткань живую,
Сквозь эту поросль молодую
Ни мышь, ни птица не пробьется.
Из глуби леса мирно тек
Травой заросший ручеек.
К его струям неторопливым
Склонялись трепетные ивы,
Он из-под сени их густой
Едва заметной бороздой
Шел через луг, в траве скрываясь,
И, своенравно извиваясь,
Вливался в Неман голубой.
А луг — насколько хватит ока —
Свободно, пышно и широко
Простерся скатертью богатой
Вдоль Немана от самой хаты,
Сверкая яркими цветами,
Всех красок жаркими тонами,
В неуловимых переливах
Оттенков нежных. Как на нивах
Колосья, наливаясь, гнутся
И людям радостно смеются
Таким приятным тихим смехом



Под легким ветерка пробегом —
Так травы буйные, без края,
Шумят, ликуя и играя,
И ходят волны луговые
Веселой, светлой чередой,
Цветы кивают головой,
Ну как девчата молодые.
Эх, луг широкий! Луг цветущий!
Ты как живой в лучах поющих
Стоишь всегда перед очами.
Прекрасен ты, но и печален,
Как наша тихая сторонка,
Где пеленой тумана тонкой,
Синея, летний зной дрожит
И даль задумчиво глядит.
И хоть измучен я тюрьмою,
Разлукой с милой стороною, —
Душой воспрянув, оживаю,
Когда в мечтаньях озираю
Тебя, мой берег, луг искристый,
Где льется Неман серебристый
И дружной высятся толпою
Дубы, как башни, над водою.
И только тут, под их ветвями,
На солнце утомлен трудами,
Косарь спокойно отдохнет
От дум тяжелых и забот,
Овеян сладостными снами.
Здесь так привольно, так прохладно.
И птицы резвые отрадно
Поют, кружатся в ясном небе,
Везде веселый слышен щебет.
А на дубах, воздеты к звездам,

Темнеют аистовы гнезда.
Клекочут аисты, и звонко
Им жалуются аистенки
И клювы тянут из гнезда —
Птенцам давно нужна еда.
А там, где птицы возмужали,
Манить их начинают дали;
Им сладко первое усилье,
Они уже разводят крылья,
Глядишь — на локоть подлетают,
Крылами ветер загребают
И неуклюжими ногами
Смешно танцуют над дубами.
В соседстве с ними, под суками,
Скворцы и воробьи гнездятся,
Пищат, щебечут, ворошатся
И молкнут поздно вечерами.
В дупле кричат сизоворонки,
И свист над лугом резкий, громкий
Роняет коршун осторожный,
Томя простор тоской тревожной.
Эх, луг широкий! Как живой,
Покрытый свежею травой,
Ты зеленеешь предо мною,
Сияя светлою красою.
Как женщины, к которым старость
Тайком, исподтишка подкралась,
Чтоб незаметно отобрать
Их силу, красоту и стать, —
Так рядом с хатою, в садочке,
Пригнувшись тихо в уголочке,
Дремали старые две ивы.
А тут же, стройны и красивы,

Деревья юные стояли
И весело на свет взирали.
Раскинув ветви над бурьяном,
Росла здесь груша с тонким станом,
И над забором валом пышным
Кудряво зеленели вишни.
Был невелик, конечно, сад —
Рябина, три дичка подряд,
Меж ними липка молодая,
Как будто внучка дорогая.
Но как же радостно и мило
Пчела тут в ульях гомонила!
И как приятно пахло медом!
Плодились пчелы с каждым годом,
Что лето — ульев прибывало,
Хоть было их уже немало.
И гул стоял и днем и ночью.
Бывало, летом, в час рабочий,
Вдруг разнесется крик веселый:
«Эй, тятя! Дядя! Вышли пчелы!..»
За хатой, прямо возле сада,
Навес стоял с гуменцем рядом,
А под навесом снасть простая:
Возок, телега запасная,
Колеса, хомуты и сани
И ульев несколько, заране
Уж приготовленных; ушат,
Кадушка, старый понаряд
И прочий запыленный хлам
Ютился здесь по всем углам.
Всё — вещи, нужные для дома!
Гуменце, крытое соломой,
От долгой жизни поседело,

Солома клочьями висела,
Ее и ветры потрепали,
Да и мальцы поободрали,
На крышу лазая, бывало, —
Их это дело забавляло.
А под щитом на паутине
Засохший колос-сиротина
Один в тиши слегка качался;
С каких он пор тут обретался —
Никто не мог бы дать ответа!
Еще старей постройки этой
Был хлев замшелый и гнилой;
Стоял он там, с годами споря,
Едва держась, как на заборе
Горшок, разбитый кочергой.
Давно подъеденный червями
И набок сдвинутый ветрами,
Тот хлев казался старичиной,
Согбенным тяжкою кручиной.
А сбоку, в поле, недалеко
Виднелся погреб одиноко, —
Припав к сырой земле стрехою,
Он зарастал густой травою.
Среди запущенных строений
В глуби двора стояла хата;
Она была щеголевата,
Как та шляхтянка из селенья,
Что в праздник около костела,
Чуть-чуть поднявши край подола,
Преважно ходит под зонтом
И юбкой вертит, как хвостом,
С дорожек пыль, песок сметая
И в хлопцев глазками стреляя.

За хатой поле начиналось,
Где рожь густая колыхалась,
Росли овес, ячмень, гречиха...
Привольно было там и тихо!

Мой уголок, мой кров родной!
Теперь я для тебя чужой.
И лес и поле всё такие,
Но люди здесь живут другие.
Печаль мне в душу западает,
Что в вечность канули годочки,
Мои счастливые денечки, —
Весна промчалась молодая!

Теперь завесу лет раздвинем
И оком пристальным окинем
Житье Михася и Антося,
Посмотрим, как там всё велося.

14. «ДИРЕКТОР»

Всему свой срок. Уходит лето.
То — дни раздумий для поэта,
То — грустный образ расставанья,
То — струн дрожащих замиранье,
То — горесть песни вдохновенной,
Спор смерти с жизнью неизменный,
И люб и грустен час прекрасный,
Когда душа природы всей
С душой сливается твоей
В один и тот же строй согласный,
На золотых порогах полдня,
Где белорунный полог поднят,
В пучинах неба ясно-синих
Проходит солнце, как богиня,
И косы-стрелы рассыпает,
Как чаровница молодая.
Под лаской этого сиянья,
Под добрым взором созерцанья
Всё успокоилось: и небо,
И поле убранного хлеба,
И эта даль, и луговины...
На нитках белой паутины
Привозят осень пауки.
И замелькали челноки,
По морю леса засновали
И листья багрецом заткали...
И каждый лист несет в лесу
Свекрови-осени красу.
Повеет ветер, тронет травы,
Но нет в нем ласки и забавы.
Нет, то не шорох колосков,

Не смех лазурных васильков
Во ржи, средь чуткой тишины.
Нет, то не музыка весны,
А тихая печаль и мука,
И с жизнью, и с теплом разлука.
Помчались гуси в край далекий,
И журавли в тот самый край.
Прощай же, летечко, прощай!
Прощайте, милые волоки!
«Ну, как, — сказал Михал, — как будет?
Детей по школам учат люди,
Пора б и нашим за науку.
Но в школу отдавать не в руку:
Что будут есть, где жить, бедняги... —
И батька тут, как на бумаге,
Стал вычислять, насупясь, траты
И сделал вывод: лучше в хату —
Чтобы не кланяться Якиму —
Нанять «директора» на зиму,
Ну, хоть бы Яську Базылева.
— «Дам три рубля — и всё готово!
А хлопец прыткий до науки».
— «Ну, Яська — мастер на все руки:
Что до серпа, то и до книги.
Лишь бы ребята стали слушать,
Чтоб не пришлось ему откушать
Своих воспитанников фиги», —
Антось заметил. — «Что за фиги?
Пускай посмеют, прощелыги! —
Вскипел Михал. — А это что?
Как отхлещу разов по сто,
Любой лентяй три дня не сядет!»
Глаза тут опускает Владя,

Но слово все-таки вставляет:
«Забыл я больше, чем он знает!»
— «Ой, как умен! Всё понимаешь!
А пять да два не сосчитаешь.
Ты у меня учись без дури,
Не то ученье будет шкуре!
Должны понять — не шутка! — сами», —
И батька всех обвел глазами,
А после глянул на веревку,
На том закончив перемолвку.
Еще «директор» не явился,
А Владик хлопцам побожился,
Что уши драть не даст повадки,
Пускай он сгинет в лихорадке!

В лаптях добротных Базылев
Явился, лишь прошел Покров.
Два сапога без каблуков
Привез с собой: ему от брата
В наследство перешли когда-то.
«Ну, вот «директор» вам, глядите! —
Михал кивнул сынам на Яську. —
— С утра за книги, за указку!
Отцовы деньги — не шутите!
Учиться мне не как-нибудь!
Не потакай ты им ничуть! —
Михал «директору» сказал. —
А чтоб никто не отставал,
Тяни за ухо, на колени.
Найду лекарство я от лени!
И коль пойдет наука туго,
Помогут им ремень и угол!»
Стояли хлопцы и сопели,

На Яську изредка глядели.
А сам «директор», низкий ростом,
Одетый по-бедняцки, просто,
На вид совсем невзрачен был
И ничего не говорил.
Спустя немного он очнулся,
Пришел в себя и оглянулся.
Он знает всех и всем знаком,
А Владик был его дружком.
Но ведь теперь не то уж время!
Тяжелое он принял бремя,
Превыше дружбы и потех —
В науке должен быть успех!
Он школу кончил прошлым летом,
Немудрый клад унес при этом
И растерял уж половину,
Гоняя по полям скотину.
И хлопцы так же рассуждали
И, как держаться с ним, не знали:
Считать его за своего
Иль быть подальше от него?
А Владик сразу — шмыг за двери
(К такой уж он привык манере!) —
Я по хозяйству, мол, иду!
С наукой был он не в ладу.
Алесь за печкой притаился,
На Яську пристально воззрился.
Ну, хлопец — птичка-невеличка!
Ему тут скучно с непривычки:
Леса, кусты, одна лишь хата, —
Ох, жить здесь, верно, страшновато!
А ям и рвов, оврагов сколько!
Гляди, напорешься на волка!

А может, хуже — вурдалак!..
Попался, хлопец, ты впросак!
Эх, тяжко жить тут будет, тяжко!
Готов уж каяться бедняжка, —
Поехал, не узнавши броду,
Каб знать, не согласился б сроду!
И одичаешь здесь, как сыч!
Но уж распили магарыч,
И сам он честь горелке отдал.
«Директор» сел за стол несмело, —
Что ж, браться надобно за дело,
Иначе славу всю погубишь.
«Ну, Костусь, как?
Читать ты любишь?» —
Спросил «директор», чтоб начать
С чего-нибудь и не молчать.
«Люблю, да только не умею,
Складов никак не одолею».
— «Ну, это, брат ты мой, полгоря!
Склады читать начнешь ты вскоре!
Вот буквы — твердо надо знать,
А на склады уж наплевать,
Старанье — главная подмога,
Ума не надобно тут много!
А как Алесь?» — «Алесь учился,
Писать уже приноровился», —
Ответил Костусь тут за братца.
«Зачем же надо мной смеяться, —
Алесь вдруг отозвался с печки, —
Пишу я, как веслом по речке.
Коль что и знал, так позабыл.
Когда я буквы-то учил?»
— «Он буквы проходил с Лопатой, —

Вступился Костусь вновь за брата. —
Полгода был, не меньше, в школе,
Писал уж бойко «лес» и «поле»,
Потом «земля» и «ветер веет».
Нет, наш Алесь писать умеет!»
— «Ну, что писал, я это знаю,
Хоть сам подчас не прочитаю.
Коль речь зашла уж про науку, —
Алесь за балку сунул руку
И вынул старую тетрадь:
— Вот как умею малевать,
Каких я тут наставил птушек,
Каракуль разных, завитушек,
Вот это — «поле», это — «лес»,
А тут я в буквы кляксой влез.
А вот записывал Антось, —
Красиво пишет он небось!
Гляди-ка, можно подивиться!
Наверно, это летом было,
И он отметил про кобылу,
Когда ей надо жеребиться».
Втроем тетрадь они читали
И всё до строчки разобрали,
На этом хлопцы подружились
И с Яською разговорились,
Забыв о горестях своих.
И речь теперь пошла у них
О том, какой здесь угол славный
И кто тут меж зверями главный, —
Мальцам «директору» пришлося
Подробно рассказать про лося,
Какой большой он и рогатый!
Но сзади вроде худоватый,

И нет в нем ничего такого.
А впрямь — громада, право слово!
За ним шли волки и лисицы,
Потом и зайцы, и куницы,
И много всякой мелкоты —
Хорьки, и векши, и кроты.

Дивясь лесному населенью,
«Директор» слушал с изумленьем,
Как хлопцы барсука ловили,
Как с дядей на лисиц ходили,
Какой характер у зверей,
Кто злее всех и кто хитрей.
«Директор» ахал поневоле,
Хоть был четыре года в школе,
Потом, как бы даря гостинец,
Сказали Яське про зверинец,
И это был рассказ последний.

Зверинец — это заповедник,
В нем козы жили без помехи.
(То всё, брат, панские потехи!)
Он обнесен был частоколом
Из бревен толстых и тяжелых,
Чтоб к козам волк не мог пробраться,
Ни прыгнуть вверх, ни подкопаться,
Да там не пролезал и крот!
Одним крылом зверинец тот
К дороге прямо прилегал,
Он много места занимал:
И луг, и лес, и часть русла.
(Ох, земляника ж там росла!
Ну, шапками таскали летом!)

Подальше из еловых веток
Шалаш стоял, что твоя хата.
Паслось тут диких коз богато
В былое — до Михала — время,
Да только вывелось их племя,
Все передохли, и сейчас
Одна лишь серна там паслась.
Да был козел еще при ней,
С рогами вроде двух ветвей...
И о козле бодливом этом
Ребята рассказали Яське
Историю занятней сказки,
Случившуюся прошлым летом,

Вот как беда произошла:
Коня в компанию козла
Пускали на ночь в тот зверинец.
И вот какой козел злочинец:
С конем он сразу подружился,
С ним даже рядом спать ложился.
И ходят вместе, и гуляют,
И вместе ночи коротают.
Ну, словом, сделались друзьями,
Играть друг с другом научились,
Но вот чем игры завершились:
Козел коня боднул рогами —
Ударил во всю мочь нежданно,
И в животе коня две раны!..

Течет беседа их живая,
И Яська вдруг словцо вставляет,
Про то расспросит и про это,
Готовый слушать до рассвета.

Порой такие льются сказки,
Что всё нутро дрожит у Яськи.
Когда же сумрак погустел,
За двери выйти он не смел,
А перед тем, как спать ложиться,
Пришлось к ребятам подольститься,
Чтоб постояли у ворот,
Пока сведет с натурой счет.
Но вот пошли за печку спать,
Пришлось с собой и Яську брать.
Он лег меж ними, в середине,
Как мышь замолк, рукой не двинет,
Чтоб только с местом не расстаться.
«Ведь если с краю я засну,
С вас одеяло утяну», —
Он в оправданье молвил братцам.

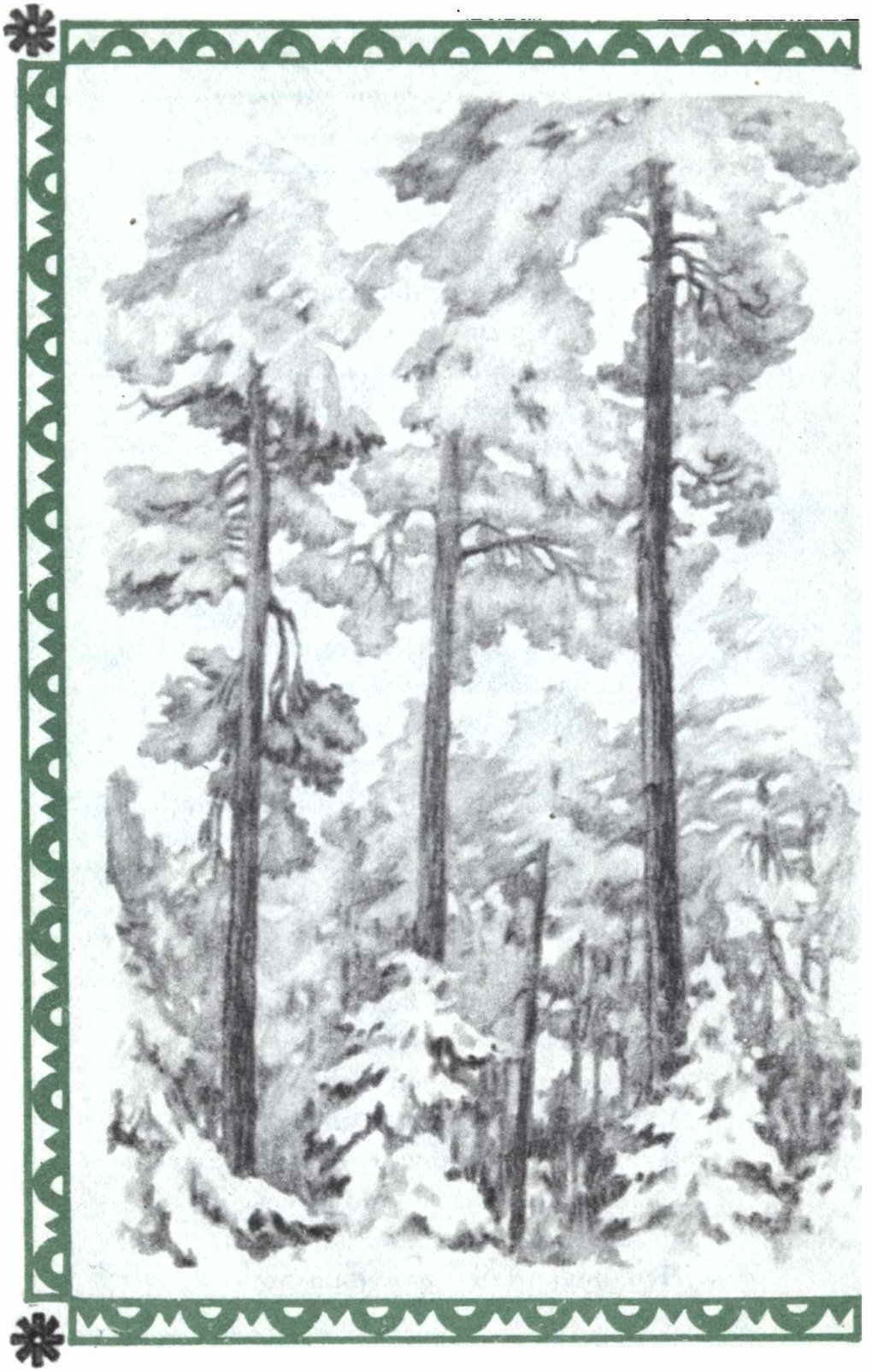
16. ПО ВЕЧЕРАМ

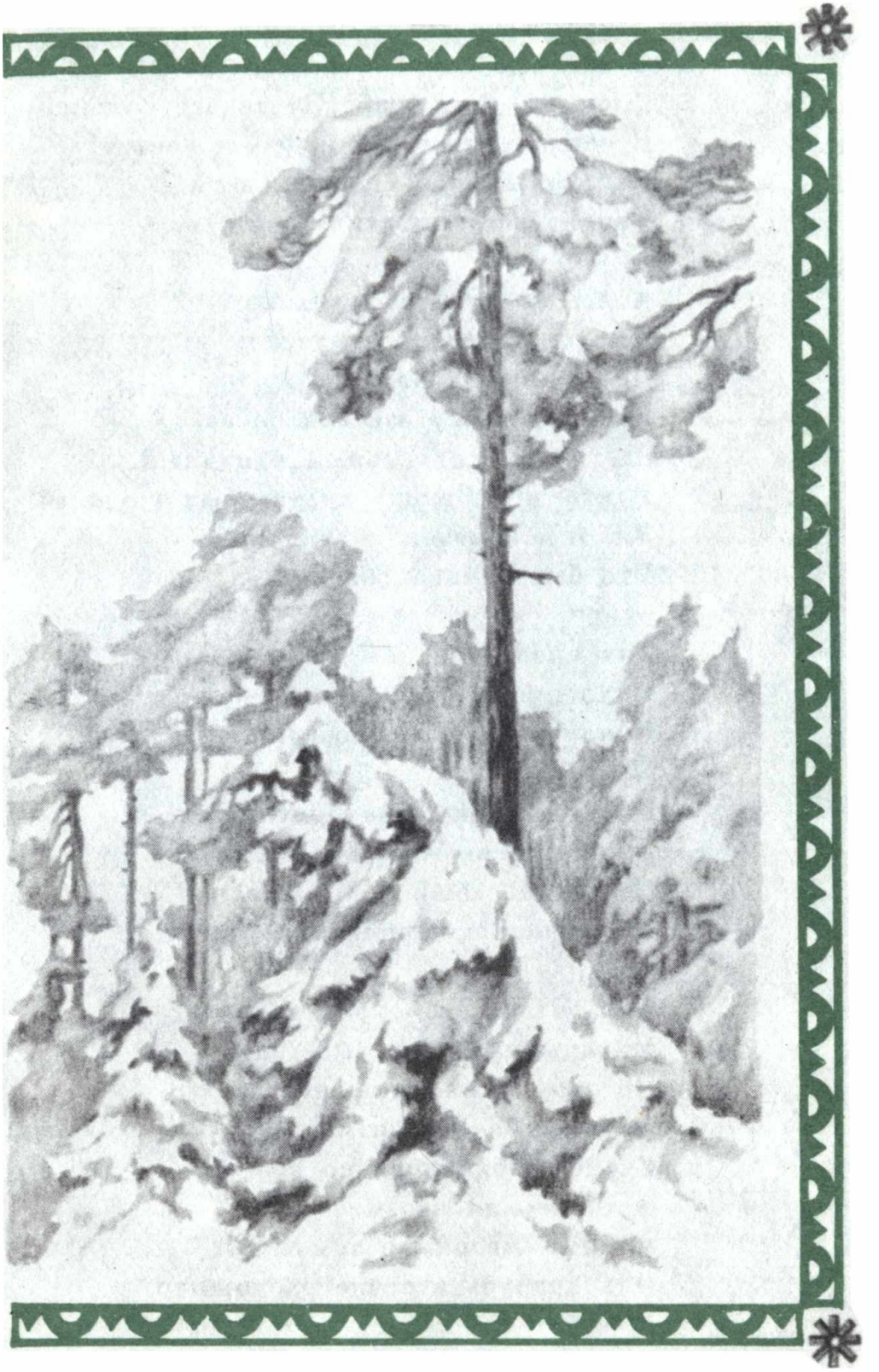
Картины родины живые!
Как вы мне любы, дорогие!
Как часто милой чередою
Встаете вы передо мною!
И улыбаетесь мне вновь
Багряным трепетом лесов,
Лучей блестящими снопами,
Сверкающими над полями,
И бриллиантовой росою,
Когда горячей полосою
Сквозь сеть листвы, как сквозь оконце,
Над ней сияет тихо солнце,
Баюкает ее, ласкает
И радугами зажигает!
Я вижу даль родных полей
За Неманом, и бег теней,
Овсов полоски, лаву жита,
Что морем золотым разлита,
И скатерть белую гречихи,
И лес, раскрывший крылья, тихий,
И темный ров, водой пробитый,
Такой глубокий и сердитый,
И пустошь серую обрыва,
Где мхи, белея сиротливо,
На желтые пески ползут,
Где зайцы ищут свой приют.
Я слышу шум разноголосый
Лесов, лугов, где блещут косы,
Когда косьба идет кругом,
Налет грозы я слышу, гром,
И шум глухой ночных дождей,

И песни звонкие полей,
И плач печальный у могилы...
Давно затих их голос милый,
Давно ушло всё и молчит,
И только память всё хранит.

Но нитью крепкой, хоть незримой,
Я связан с родиной любимой
И с вами, милые картины!
Эх, заросли вы, все путины
В тот дорогой мне уголок,
Где желтый стелется песок
Под знойным солнцем, жарким летом
Сияя золотистым светом,
Над самым Неманом седым,
Столь близким сердцу и родным.
И заросли вы не крапивой,
Не чернобыльником тоскливым,
Не горьким мхом, не лебедою,
А белорусскою бедою!
Пока в нас сердце будет биться,
Оно не сможет примириться
Ни с этим гнетом, ни с нуждой,
Нависшей над родной землей...

Эх, милый край беды извечной!
Проклятье людям бессердечным,
Что цепи для тебя ковали
И в очи, злобствуя, плевали!
Пускай страданья, гнев наш лютый
Сожгут неволи черной путы,
Развеют прахом вражьи силы,
Что полонили край наш милый.





Благословен тот, кто душою
С народом слит, с его судьбою!
Живи ж, наш край! Пусть всё сильней
В сердцах людских надежда светит!
И пусть тебя хоть наши дети
Увидят в цельности твоей!..

Алесь на деле распознал,
Что он напрасно бунтовал:
Не будет выхода иного,
Как за науку взяться снова,
За труд медлительный и нудный.
И что ж? «Закон» не так был трудный!
Уж тем понятен он вполне,
Что был записан на спине.

Так пролетали дни, недели,
И хлопчики досуг имели —
Учились только до обеда,
И шло ученье не без следа:
Костуська, надобно признаться,
Уж на доске мог расписаться,
Что очень тешило Михала
И гордостью переполняло.

Как только свой урок кончали,
Мальцы на речку выбегали
По льду немного покататься
И на свободе поразмяться;
В снег забирались по колено,
А то носили козам сено
(Они в зверинце зимовали)
Иль прорубь в речке расчищали.

И сам «директор» кривоногий
Сигал не раз в сугроб с дороги,
По снегу лазал, спотыкался
И с головой в нем окунался,
А иногда в лесу, случалось,
Коза «директору» встречалась.
Тогда он, как шальной, кричал,
За нею по кустам бежал, —
Так радость в Яське бушевала,
Так в сердце буйно клокотала,
Что в тот счастливый, редкий миг
По лесу несся дикий крик:
«А-я-я-яй! А-я-я-яй!» —
Хоть просто уши затыкай.
В другой раз хлопцы вечерком
В гумно к Антосю шли гуськом.
Уютен дядин уголок,
Коптилки тихий огонек
Колеблется и вдруг взлетает,
Как бабочка, дрожит, порхает.
Отменный дядя вел порядок,
Всё было пригнано, как надо:
Тут грабли, там цепы и вилы,
Посмотришь — глазу, сердцу мило,
И словно просятся в работу —
Возьми, почуешь сам охоту!
Антось трудом захвачен весь,
Священнодействует он здесь.

Вот, как живого, дядю вижу!
Портрет его я к вам приближу:
Он не высок и не дороден,
Зато уж коренаст и плотен.

Чуб темно-русый, а усы —
Образчик ухарской красы:
Не очень длинные, густые,
Концами кверху завитые.
Глаза же голубого цвета
Глядят, как ягоды, с приветом.
Но сразу, с первого мгновенья,
Не разберешь их выраженья:
То смех, то хитрость в них сверкает,
То доброта — но уж какая!
А нос... Тут надо задержаться,
Подумать, с мыслями собраться.
С чем лучше дядин нос сравнить,
Чтобы вполне правдивым быть.
Ну... Нос короткий, толстоватый,
А попросту сказать — кирпатый.

Антось внимателен, заботлив,
К работе всяческой охотлив,
Что ни замыслит, всё обладит,
И так пригонит, так пригладит,
Что и для глаза будет мило.
Любое дело говорило
Само за мастера без слов!
Таких на свете мастеров —
На все лады — не так-то много.
И за него молили бога
Все те, кому он помогал,
Кого в несчастье выручал.

У дяди целый склад запасов,
Антось не любит пустоплясов.
Вот, скажем, ложку сделать, грабли —

Тут нужно дерево как звон,
В его ж чулане дуб и клен
И чурки ясеней и яблонь
Уж заготовлены заране,
Коль надо что — искать не станет.
Хранились здесь же у Антося
Оглобли, сошники и оси.
И люди дядю уважали,
С почетом чаркой угощали.
Коль у кого коса не косит,
Пусть только дядю он попросит, —
Косу, как бритву, навострит:
Идет легохонько, свистит
И бреет сорняки густые!
У дяди руки золотые!

Чтоб дописать портрет Антося,
Скажу: на свете не нашлося
Такой вдовицы иль девчины,
Чтоб сердце слить с ним воедино,
Чтоб вместе счастье добывать
И все невзгоды разделять.
Я свой рассказ нарушу снова,
Чтоб в даль прошедшего взглянуть
И о весне его вздохнуть,
И благодарным, добрым словом
Его еще раз помянуть.

Была весна. И сердце билось
В тревоге смутной и томилось,
И сладко-сладко замирало,
И страстно отклика искало.
Но доля счастья не дала:
Хоть Настя так была мила,

И так клялась, и целовала,
И к сердцу жарко прижимала,
И верной быть по гроб сулила, —
С другим Антосю изменила.
Антось!.. Да что! Теперь забыто.
Давно уж то пожали жито,
Давно те межи запахали,
Что горе дядино видали.

«Ну, поддадим, ребята, жару!
Еще собьем посадов пару!»
Снопы рядами положили,
Как прадеды еще учили,
Друг к другу тесно головами,
К перилам — грузными комлями.
«Ну, грохнем, хлопцы, чтоб звенело!»
И пять цепов вступили в дело.
Не молотьба, а бубнов хор,
Громов небесных разговор.
Снопы подпрыгивают сами
И сыплют жито под бичами.
Антось работой управляет
И криком хлопцам помогает:
«Дай, дай ему, брат! Размахнись!
Скачи, скачи, снопок, трясись!»
Цепы вздымаются проворно,
И каждый трудится упорно,
Всех раззадорила работа,
И отличиться всем охота!

Вот так одно другим сменялось
И потому не приедалось,
Что было в меру всё и в пору.

Шла жизнь помалу всё же в гору.
По вечерам в хатенке мирной
Иных забав был круг обширный,
Особенно в канун воскресный;
Послушать было интересно,
Когда Антось и мать с Михалом
Начнут рассказывать, бывало,
В тревожно-смутной тишине
О том, о сем, о старине,
О случаях неизъяснимых,
Бывавших иногда и с ними.
Хоть в очаге огонь мерцает
И лампа хату освещает,
Но как-то призрачно всё, зыбко,
А тени то взметнутся шибко,
Ловя косматыми руками
Кого-то и тряся рогами,
А то застынут по углам,
Зловеще притаившись там.
И кажется, что тени эти
Не просто призраки немые,
А силы грозные, живые...
И к взрослым жмутся в страхе дети.
«Директор» к печке притулился,
Глазами в дядю прямо впился.
«Мне говорил Петрусь Грипинин,
И врать он не имел причины:
Домой он ехал из Княжова,
Кругом — нет никого живого!
Туман поднялся беловатый,
Уж было, правда, поздновато.
Он на волах своих плетется,
И странным всё ему сдается.

Вот он мосточек проезжает,
Вдруг кто-то снизу вылетает,
Весь как огонь, такой вертлявый,
Хвостом колотит влево, вправо —
И по волам, и по Петру:
«Вот шею я тебе натру,
Чтоб поздно так не возвращался!»
За ним до Немана он гнался!»
«Директор» бедный побледнел,
От страха на скамью присел.
«Бывает всякое на свете!.. —
Теперь на мать взглянули дети.
— Свекровь, покойница Анета,
Сама мне сказывала это:
Она и тетка — вот не лгу! —
Щавель сбирали на лугу
И шли над Неманом домой
Еще не темною порой,
Лишь солнце начало садиться,
За холм Демьянов хорониться, —
И никогошеньки нигде!
Вдруг видят: кто-то на воде
Сидит молчком, расправив ноги,
Сам неподвижный, с виду строгий,
В каком-то черном облаченье
И трубку курит в размышленье.
Помчались бабы от него.
Назад взглянули — никого».
— «А кто ж то был, чтоб он пропал!» —
Дрожа, «директор» прошептал,
От страха Яська чуть не плачет.
«Янчур, наверно, там рыбачил!» —
С усмешкою Антось ответил,

Чтоб разогнать тревогу в детях.
Но Яська к дяде ближе жмется:
Ему черт знает что сдается.

Все молкнут. В окна, как живая,
Глядит угрюмо ночь седая.
Она как будто что-то знает,
Но тайну от людей скрывает.
Вдруг на дворе пустом близ будки
Пугливо пес залаял чуткий
И стих, — должно быть, страшно стало
Иль ночь ему не позволяла?
У Яськи все ослабли гайки...
«Всё это глупость! Сказки! Байки! —
Михал промолвил. — Кто боится,
С тем блажь такая и творится.
Вот случай вам. Тут жил Пшавара.
Однажды ночью слышит стуки,
В окно молотят чьи-то руки,
Молотят так, как в час пожара.
«Кто там?» — «Да я, Семен! Пусти!
Избили черти по пути.
Не верил я, так дали веры!
Один на горб мне сел, холера,
Лишь я заехал на плотину —
Насыпал мне орехов в спину!
Я — по коню, он — мне по шее,
Сквозь воротник до крови греет!
Вот только тут и отступился,
Когда мой конь остановился!..»
На двор Пшавара вышел босый,
Взглянул на Семкины колеса —
И что ж! Еловый сук случайно

Завязнул в спицах. Вот вся тайна!»
Еще про страхи толковали,
Их подоплеку обсуждали —
Что, отчего и как случалось,
Над Яською трунили малость.

А как-то спор был о науках
Старинных, о нечистых штуках:
О книгах с черною печатью,
О чародействах и заклятьях
И всяких тайнах и обманах.

«Напустят вам в глаза тумана,
И человек, не мертвый вроде,
Без головы спокойно ходит», —
Сказал Антось, чуть усмехаясь.
Мальцы ж внимают, содрогаясь.
«А вот я тоже штуку знаю:
Без промаха вам отгадаю,
Кто как стоит за дверью, скажем,
Пусть сядет он, пусть даже ляжет,
Как душенька ему велит!
Вот штука!» — батька говорит.
«Неужто вправду отгадает! —
У Яськи сердце замирает,
И он, рассказчику не веря,
Бросает быстрый взгляд на двери,
Решившись предложить на пробу
Немедля же свою особу.
— Пойдем-ка, Костусь, мы с тобою!..»
В сенях ребята меж собою
Советуются, как им стать,
Чтоб трудно было угадать.

В конце концов нашли решенье
Самим себе на удивленье:
«Директор» стал на четвереньки,
А Костусь рядом на коленки.
«Ну, как мы за дверьми стоим?»
— «Как надлежит щенкам дурным!» —
Из хаты батька отозвался,
И разом дружный смех раздался.

19. НА РЕЧКЕ

Никто в родном дому не знает,
Чем речка Костуся прельщает,
Какая их связала сила
И чем река его пленила.
Лишь день, бывало, тьму развеет
И лес немного посветлеет,
А он, глядишь, уже идет
И пробует ногами лед.
То побежит, то поскользнется,
То без причины засмеется,
То остановится он вдруг —
И всё так радостно вокруг!
Ледок трещит, ворчит и гнется —
Вот-вот надломится, сдается.
Но хлопцу это всё знакомо,
И не страшны ему надломы,
Полоски эти лучевые, —
Крепки устои ледяные.
Всё толще лед. Мороз крепчает,
Река надолго замирает.
До дна промерзла вся вода,
И нет ей ходу никуда.
Однако ж нет! Живую силу
Не можешь ты загнать в могилу,
Мороз безжалостный и лютый!
Пусть крепко ты накинул путы,
Пусть под твоим теперь надзором
Ручьи, и реки, и озера,
Пусть ты рассыпался снегами
Над чистым полем, над лугами,
Но как ни злишься, ни шалеешь,

А жизни всё ж не одолеешь!
Глянь, сквозь оковы ледяные
Пробились капельки живые,
Они сдаваться не желают
И лед всё больше заливают.
И правда: малая река,
Хоть неказиста и мелка,
Однако ж сила в ней такая,
Что кверху лед приподнимает
И порет с треском, как холстину.
«Нет, врешь, морозко, я не сгину!
Мы и под крышей ледяною
Еще поборемся с тобою!» —
Как бы бросает смело, звонко
Морозу вызов свой речонка.
И на речушке той зимою
Между морозом и водою
Дела большие возникают,
И это хлопца привлекает.
Когда на речку он придет,
Всегда здесь новости найдет:
То лед, поднявшийся горбами,
Гудит, как бубен, под ногами,
То опадет, то изогнется,
На дно провалится, зальется,
А по кустам прибрежным споро,
Сломав тиски и все запоры,
Вода, играя, устремится,
И снег весь в кашу превратится.
И как ни гнет мороз, ни гладит,
С водой никак не может сладить.
И чуть он только ослабеет,
Чуть передышкою повеет,

Глядишь, водица лед слизала,
Во рву песочек показала.
Волна стремится за волною
Всё дальше, дальше, как весною,
Пока мороз не взбеленится
И, сил набравшись, не решится
Вновь заковать ручей проворный
За нрав упрямый, непокорный.

А иногда придет с угрозой
Мороз, владыка всех морозов,
Сердитый, злой идет, шагает,
Ворчит, скрипит, трещит, стреляет;
И словно облако над ним —
Весь в завитушках белый дым.
Мороз порою вдруг рванется —
Как ухарь-писарь расчеркнется.
А как он окна разрисует,
Каких чудес он там запустит!
В таких делах любой искусник
Не устоит пред ним, спасует.
Мороз — шутник. Он шутки любит,
Играючи, нередко губит
Того, кто в руки попадется,
Еще над ним и насмеется,
«Приляг, приляг, бедняк усталый,
Тебе идти еще немало, —
Он шепчет в уши, напевая, —
Постель готова пуховая,
Вся белотканая такая!
Забудь о доле о постылой,
Засни — и вновь прибудет силы.
Я сладкий сон тебе навею.

Чудесной сказкою согрею».
И кто поверит уговорам,
Заснет навеки очень скоро
Под сенью звезд в снегу глубоком,
На той тропинке одинокой.
Мороз — мастак. Он всюду ходит.
На небе ровный столб возводит.
И этот столб горит и блещет —
Высокий, огненный, зловещий.
Мороз на небе ставит троны,
Он мастерит венцы-короны
И ими месяц украшает;
По снегу звезды рассыпает;
Красиво, тонко и умело
Он ткет убор березе белой,
Как той невесте для венчанья.
И лишь над лесом солнце встанет
И на березу эту глянет,
На ней засветятся лучи
Светлей алмазов и парчи.

Мороз надменен, как вельможа,
Терпеть он вольностей не может:
В тот час, когда он сам гуляет,
По небу тучка не блуждает,
Живое всё вокруг немеет
И даже ветер дуть не смеет.
Всё тихо, мертво, неподвижно,
Зверей не видно и не слышно,
Ворона клюв не раскрывает,
Земля таится, выжидает —
Когда же кончится напасть,
Мороза-сумасброда власть?

И воробей со всей роднею
Сидит, укрывшись под стрехою.
Мороз в кулак берет округу,
Как царь, идет по полю, лугу.
И лес под тяжестью такой
Застыл, стоит, как омертвелый,
Башлык надевши чистый, белый,
Поникнув буйной головой.
И лишь мороз, собой довольный,
Хозяин строгий, своевольный,
Гремит по лесу по всему,
Что нет владык под стать ему!
Зазнался, ой, мороз, зазнался!
Да день еще не начинался,
Постой, постой, старик, хвалиться!
Кой-кто тебя не побоится...
Лишь только звезды потускнели,
Как в хате двери заскрипели,
Потом колодцы и ворота, —
Начался день, пошла работа.
Идут к колодцу молодицы,
Как маков цвет, горят их лица,
С куделью девушка бежит,
За нею хлопец вслед спешит,
И смех, и говор раздается —
Откуда только всё берется!
Вот погреб дверью хлопнул глухо —
Идет с корзиною старуха,
Лучину ею прикрывает
И жаром холод выгоняет.
А там мужчины уж проснулись.
В сарай за сеном потянулись.
Идут да щеки потирают,

Мороз и хвалят и ругают
И, дома справившись с делами,
В лес отправляются с санями:
Рубить, пилить, возить колоды —
Лежать на печке нету моды.
И хоть мороз стоит трескучий,
Хватает ноги сквозь онучи,
Скрипит, грозится, негодует —
Мужик живет и в ус не дует.
С саней соскочит, щелкнет пугой
И, обругав коня «дерюгой»,
Бежит, о плечи бьет руками,
О землю топает ногами.
Так до тех пор себя он греет,
Покуда лоб его вспотеет...

Слезал уж с печки Костусь мой,
Слезал он раз, потом другой,
В окно глядел и сам дивился:
Особый мир ему открылся.
На стеклах всё снопы ржаные,
Цветы и травы полевые,
И всё горит, и всё сверкает,
Как будто лето наступает.
А с ним видения другие
Вставали, сердцу дорогие.
Вот тут лесок, вот крест унылый
Стоит, как сторож над могилой.
Он почернел и наклонился,
Как будто бы о ком молился.
А там речушка тихо льется,
А над водою верба гнется.
Всё так знакомо, так пригоже

И так на правду не похоже,
Что хлопец сразу забывает,
Где он и что тут наблюдает...
«Довольно там тебе стоять,
Не то простудишься опять!» —
Мать беспокоится о нем,
А хлопцу уж наскучил дом,
Сидеть на печке надоело.
Теперь на речку б — то ли дело!
А тут еще — ну как на грех —
Лишь дядя вышел вон, на снег,
Мороз тотчас же примостился,
И белым пухом ус покрылся.
И всяк, кто в хату ни заходит,
Всё о морозе речь заводит:
«Ну и мороз! Аж нос срывает!
А на восходе всё играет!
Столбы на небе повставали,
Как бы пожары запылали!
Дела такие в свете божьем!»
Нет, тут сдержаться невозможно.
На печке Костусь притаился,
Обуться в лапти умудрился.
А лапти старенькие были —
Дорог немало исходили.
Тишком оделся он, собрался
И в лес с топориком помчался.
А лес задумался, молчит.
Весь белый, тихо он стоит,
Над речкой ветви простирая,
Ее, как крышей, закрывая.
А тут же елочки-малышки,
Как на картинке в некой книжке,

Под белым пухом чуть заметны.
Но как милы они, приветны!
У старой ели стали в ряд
Семьею маленьких внучат.
А вот сосенки молодые
Стоят, как сироты какие:
От снега выгнулись дугою,
К земле склонились головою.
«Знать, тяжко вам — согнул вас снег.
Как будто вы несчастней всех», —
Над ними Костусь размышляет,
И сердце жалость обжигает.
И Костусь тут же к ним бежит,
Тяжелый снег стряхнуть спешит.
Сосенки сразу оживают
И вверх макушки поднимают.
Сперва чуть-чуть, боятся словно,
Потом встают легко и ровно.
А хлопец, радуясь, смеется,
Стоит, глядит — не шелохнется,
В ребячьи думы погружен,
Как будто видит сказку-сон!

Однако ж время и за дело!
И он идет на речку смело.
Она застыла меж кустами;
Березы голыми ветвями
Сплелись с олешником над нею,
И ели рослые, темнея,
Нависли густо шалашами.
Вот и упавшая сосна,
Давно свалилася она,
Знать, буря бедную сломила

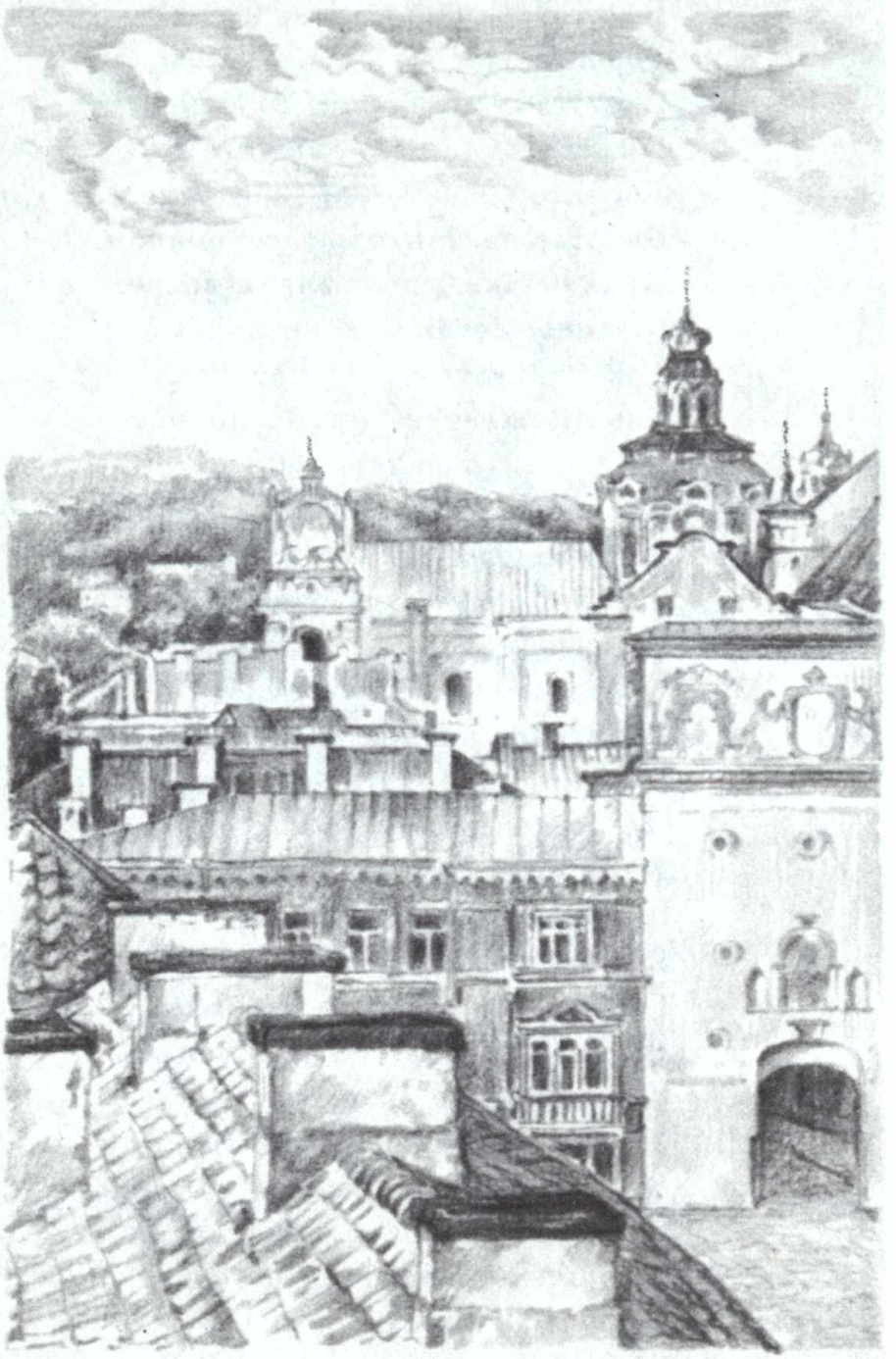
И через речку положила.
А лед тяжелый, мутно-синий,
Приподнятый посередине,
Всё придавил и так налег,
Чтоб даже малый ручеек
Из-под него не просочился.
Тут Костусь наш остановился.
Глядит на лед, соображает
И свой топорик в ход пускает.
Ледок подался, покорился,
Он на кусочки развалился;
Летят крупинки ледяные,
Как будто блестки дождевые.
По льду бегут речные воды,
Шумят, почуявши свободу.
Река течет, река живет...
Однако что же там поет?
Что там за музыка несется,
Чья песня прямо в душу льется?
Откуда, право, звуки эти?
Никто не сможет в целом свете
Сложить подобного мотива.
Быть может, лес сложил то диво?
Или проснулась даль немая,
Молчанье песней нарушая?
Иль небо вдруг себя раскрыло
И что-то тихо говорило
Земле, полям ее, лесам?
Иль то весна подходит к нам?
А песня длится, звон плывет, —
Не жаворонок ли поет?
И по бескрайнему простору
Той песне вторят птичьи хоры,

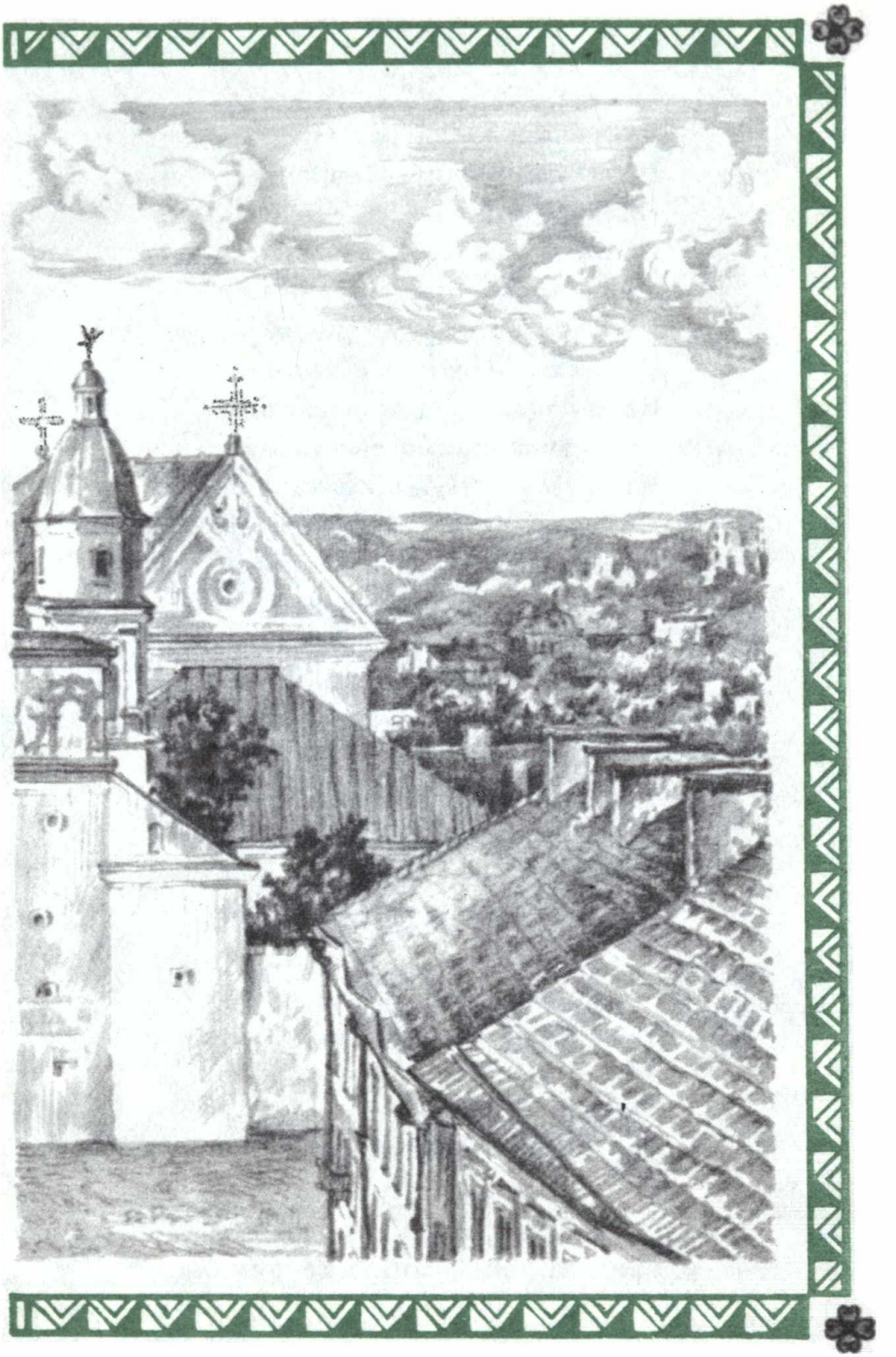
И в море этих звуков дивных
Волной чудесной, переливной
Песнь соловьиная несется...
Огнем горит душа у хлопца.
В минуты радостные эти
Он забывает всё на свете.
И хоть давно уже он знает,
Откуда песня возникает,
Но лишь прислушается к пенью,
Опять берут его сомненья:
Ужели иней так с водою
Свой разговор ведут зимою?
Так вот в чем речки этой сила,
Вот чем она его пленила!

28. ДЯДЯ В ВИЛЬНЕ

Вагон еще катился, грохал,
А началась уж суматоха:
Багаж хватают пассажиры,
Шныряют темные проныры,
Паны снимают чемоданы,
Коробки, где духи, румяна
И прочий женский скарб хранится,
Чтоб их паненкам молодиться,
Скрывая хитростями моды
Подвохи матери-природы.
Средь люда разного и панства,
Средь шляп и прочего убранства
И дядя виден в скромном платье —
В сермяге, в шапочке-оладье.
Машина стала. Валит валом
Народ в туннеле под вокзалом,
И дядя тут же трется сбоку,
От армяков неподалеку.
Антось еще не видел сроду
Такого скопища народу —
Панов, чиновников богатых,
Таких толстенных и пузатых,
Что можно булку съесть для спору,
Пока объедешь эту гору.
И выступают все тузами,
Не видят ног под животами.
Под ними даже камни гнутся.
Как студень, шеи их трясутся.
Ну и панов! Ох, боже милый.
Какие гладкие всё рыла.

А что за бороды, усищи, —
Для пугала страшней не сыщешь.
На огород поставь такого —
Вороны сдохнут, право слово.
И нет им ни конца, ни края.
Глазеет дядя, размышляя.
Лоснятся щеки, как под лаком,
Видать, едят и пьют со смаком.
И панночки на крыльях вроде,
Кажись, летают, а не ходят —
Так деликатно, так красиво,
Как мотылечки, право, диво.
Да что ж и делать им другое,
Как не порхать веселым роем, —
Растут, цветут в довольстве, в холе,
С серпом идти не надо в поле,
Где вся краса твоя линяет,
А ржище ноги пробивает.
Идет наш дядя и боится,
Чтоб как-нибудь не оступиться,
Не отдавить прохожим ноги
И не спихнуть кого с дороги.
А сапожищи, как назло,
Ступают, черти, тяжело,
Гремят, как конские копыта,
На весь вокзал, такой умытый.
Дивился дядя наш немало
Устройству хитрому вокзала:
Как всё прилажено тут славно,
Как чисто прибрано, исправно,
А сколько блеска, полировки,
Ступеней, переходов ловких.
Вверху ж, над самой головою,





Бегут вагоны чередою.
Тут чей-то хитрый ум старался!..

Туннель отсюда разветвлялся,
И вал сермяжного народу
Направо ринулся к проходу.
Паны ж налево важно шли,
Где оскорбить их не могли
Ни запах дегтя, ни корчаги,
Ни вид заплатанной сермяги.
На площади перед вокзалом
Антосю ж прямо тошно стало.
Ну, пекло! Шум неугомонный,
А воздух затхлый и зловонный.
Народ толчется возле конки,
По камню бьют подковы звонко,
Гремят повозки и колеса,
До неба гомон стоголосый.
И эти звоны, грохот, крики,
Сливаясь в общий гул великий,
Терзают с непривычки ухо
И бьют по сердцу тяжко-глухо.
Народ снует, как на пожаре,
Ну, просто гнутся тротуары.

Эх, божий люд! Какая сила
Тебя здесь вихрем закрутила?
Зачем тут бьешься и шумишь?
Какую в сердце боль таишь?
Куда ведет твоя дорога?
И отчего печаль-тревога
На лоб морщины наложила?
Глядишь на божий мир немило,

И нет в твоих глазах привета,
Как будто ты не видишь света!..
Течет народ, как волны в море,
Как тучи в небе на просторе, —
И старики и молодые,
Друг другу дальние, чужие,
Идут несметной чередою,
И каждый занят лишь собою.
С толпою дядя наш смешался,
Зерном меж зерен затерялся.

Антось в лесах, в борах бывал
И голос дебрей понимал,
И со столетними дубами
Знавался близко, как с друзьями.
А тут один, для всех чужой;
На камне камень, пыль и зной,
Не видно неба за домами,
Всё загорожено стенами.

Шагает дядя, не спешит,
Один за пятерых гремит.
А где ж тот банк, спросить он хочет:
Тут прошатаешься до ночи,
Задаром время проведешь,
А сам туда не попадешь.
Но к людям страшно подступиться,
Спросить прохожих он боится,
Все смотрят чванно и сурово,
Ни одного лица простого.
Вот мужика бы повстречать,
Да тут нигде их не видать.
И дядя начал озираться,

Чтоб у кого-нибудь дознаться.
Один уж раз он сделал пробу,
Спросил какую-то особу,
Она Антосю так сказала,
Что лучше б рта не разевала.
Тут дядя шагу прибавляет,
С кокардой пана нагоняет,
Бочком подъехать норовит,
Но гордый пан и не глядит,
Идет себе и знать не хочет,
Как дядя вкруг него хлопочет.
Антось же чуточку пригнулся,
Рукою к пану прикоснулся:
«Скажи, паночек, как далеко
Земельный банк?» Недобрым оком
На дядю глянул пан суровый:
«Спроси о том городового», —
И шагу, рассердясь, прибавил,
Как будто дядя обесславил
Его мужицкими словами
Перед вельможными панами.
«Ишь навострил, гляди-ка, лыжи,
Как от причастья черт бесстыжий», —
Антось беззлобно усмехнулся
И на прохожих оглянулся.
Помалу дядя стал свыкаться:
«Да что? Чего мне здесь бояться!»
Пошел вольней, глядит смелей,
На сердце стало веселей.
Глаза он кверху поднимает,
На лавках вывески читает, —
Недаром же когда-то в школе
Учитель дядей был доволен.

Да зачитался он не в меру —
На столб наткнулся, на холеру,
Ударился с разгону лбом,
Аж белый свет пошел кругом.
Слетел с панели, как шальной,
Крутясь на пыльной мостовой.
Чуть-чуть манерку не расквасил
И пылью сам себя украсил.
Но всё ж быстрехонько вскочил,
Глаза таращит — угодил,
Совсем как глупый окунь в нерет, —
Не разберешь, где зад, где перед.
«А чтоб вас дьяволы спалили,
Столбов без счету понабили!» —
Антось бранится сам не свой,
Сбивая с шапки пыль рукой.
Очнувшись, дядя оглянулся
И видит, что в тупик уткнулся.
И спереди и сбоку — стены...
И шагу не шагнешь, как пленный.
Пропала улица куда-то,
Толчется дядя наш помятый,
Нет ходу из угла глухого,
Ну, хоть зови городового.
Кой-как всё ж выбрался, бедняк,
Усталый, красный, словно рак.
Бредет и город проклинает.
Зашибла злость его такая,
Вот взял бы, кажется, соломы
Да подпалил подряд хоромы,
Что все пути загородили
И белый свет ему затмили.

Минуты шли. Из переулка
На свет он выбрался, где гулко
Носился шум, и лязг, и крики,
Где город пел многоязыкий.
Уж дядю чтенье не манит,
Он больше под ноги глядит.
Лишь иногда посмотрит вбок —
Не видны ль шашка и свисток.
Как будто бога, ищет дядька
В толпе блюстителя порядка.
А вот и он. Стоит, здоровый,
И смотрит поверху сурово,
Ну, впрямь тебе пастух над стадом,
Следит, чтоб всё вершилось ладом, —
Губернский город как-никак.
На мостовую сделав шаг,
За шапку дядя наш берется.
«День добрый, — молвит, как ведется.
Еще поближе подступает
И шапку вежливо снимает. —
Скажите, где тут банк? Уважьте.
Мне по земельной нужно части».
— «А вот пойдешь ты, человече,
Костелу этому навстречу,
Там будет улица направо, —
Заговорил служака бравый, —
Ты правой улицы держись
Да вновь спроси, а не кружись,
А там и банк совсем уж близко».
Антось опять склонился низко.
«Вот это человек иной, —
Подумал дядя, — как родной!
Коль дело кончится счастливо,

Ему поставлю пару пива,
Есть и закуска — ломоть сала».
И дяде снова легче стало.

Еще протопав три квартала,
Переспросив людей немало,
Антось уперся в двери банка;
Ступени чистые, что склянка,
Широкий шаг его сдержали
И страху на душу нагнали.
Но дядя страх перемогает
И шапку загодя снимает,
По чистой лестнице мурашкой
Ползет наверх, вздыхая тяжко.
Душа, забитая веками,
Уж чует страх перед панами.
В просторной, чистой, светлой зале
Паны туда-сюда сновали,
Цигарки длинные курили,
Развязно, громко говорили.
Коль уходить кто соберется —
Прислужник тут уж бесом вьется,
Одежду мигом подает
И смотрит пану прямо в рот.
А пан, приняв пальто и трость,
Сует ему монету в горсть.
Прислужник чуть ли не присядет,
Аж смех берет, на это глядя.
Но видно сразу — и паны
Не все тут меж собой равны:
Одни пузаты, ходят валко,
Другие ж тощие, что палка;
Одни с горы на всех взирают,

Другие ж глаз не поднимают...
Но, кроме панства, в той же зале
Смиренно мужики стояли
В углах с людьми простого званья,
Сюда пришедшими заране.
Они негромко гомонили,
И дядя втиснулся меж ними.
Соседей всех окинув оком,
Антось к стене приперся боком.
«Садись-ка, друг хороший, рядом,
Тут за постой платить не надо», —
Сказал сермяжник добродушно,
Антось на лавку сел послушно,
Взглянув на доброго соседа,
Уж пожилого, чуть не деда.
Пошли вопросы — к слову слово:
Откуда, кто, села какого,
Какой губернии, повета.
«Я вот приехал с краю света,
Из-под Столбцов, слыхали, может?»
— «Не привелось... Велик свет божий».
— «А вы откуда?» — «Из-под Лиды,
Село Великие Демиды
(Он Гришкой Вересом назвался);
Вчера весь день тут проболтался, —
Пустое дело у меня,
А года два идет возня.
Уж пробовал и так и сяк,
И всё не справлюсь с ним никак.
Эх, милый мой, нам за панами
Не видеть правды. Кто с деньгами
И мажет сбоку — те не ждут.
Уж так, сосед, ведется тут».

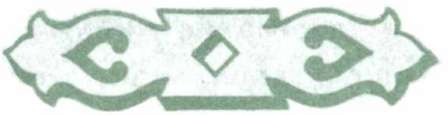
Чиновничьи он ведал сети,
Недаром мыкался на свете,
Ища земли себе с друзьями,
Частенько знался с писарями.
«Из банка нужно разрешенье,
Пишите, милый мой, прошенье.
Я знаю писаря такого,
Он это сделает толково,
Любую грамотку за злотый
Напишет с полною охотой».
— «Ах, пане Верес, вам, как другу,
Сто раз спасибо за услугу,
Ведь тут пока чего добьешься,
Так и от жизни отречешься».
— «Ну что ж, пойдем». Встают, выходят.
По господам глазами водят.
И перед столиком пустым —
Никто не восседал за ним,
Лишь склянка с донышком широким
На нем стояла одиноко —
Друзья остановились тихо.
«Вам что?» — спросил их кто-то лихо.
То был сам писарь. Староватый
И росту малого, косматый,
Перед друзьями он возник,
Как гриб поганый дождевик
В осенний день из-под земли.
«А мы-то к вам как раз пришли», —
Вперед тут дядя выступает
И просьбу кратко излагает.
«Одну минуту, подождите,
А вот вам кресло, отдохните», —
Он вынул лист бумаги гладкой

И с чисто писарской ухваткой
Перо за ухом ухватил,
Чем дядю сильно удивил.
Потер, нахмурясь, лоб рукою,
Подергал носом и губою,
Так покуражась для прикрасы,
Стал выводить он выкрутасы.
Антось почтительно взирает
И злотый в кулаке сжимает.
«Ну вот, прошеньице готово:
Всё тут как надо, слово в слово.
Вы, может, грамоте учились?»
— «Да уж подпишем, ваша милость», —
И дядя пальцы разгибает
Берет перо, в бутыль макает,
Но пальцы-грабли боязливо
Зажали ручку боком, криво.
Покуда наш Антось трудился,
Он весь испариной покрылся,
Ну словно летнею порою
Весь божий день махал косою.
«Отметку надобно теперь,
За ней пройдете в эту дверь», —
Кивает писарь головою.
И дядя, сгорбившись, трусцою
Пробрался к двери, заглянул,
Прошенье трубочкой свернул.
А там за длинными столами,
Уткнувшись в груды дел носами,
Сидят писцы, как грязи кучки,
Скрипят их перья, ходят ручки.
Трещат, как шашели в полене
Иль как кузнечики на сене.

И всяк своим завален делом.
Антось вперед ступает смело
К тому столу, что был поближе,
Подходит к бородище рыжей
И перед тою бородою
Опять сгибается дугою.

Чиновник пробурчал сердито,
Как жирный боров у корыта,
Но всё же проглядел листок
И почесал пером висок.
«К тому столу, налево третий, —
Мотнул он рыжею метлой
И вновь в дела зарылся, злой. —
Откуда лезут эти черти!»
А дядя далее шагает
И снова голову склоняет
Уж перед третьим полупанком
И ждет, согнувшись как баранка.
Чиновник только вскинул оком
И, повернувшись к дяде боком,
Пером забегал по бумаге, —
Уж здесь такой почет сермяге!
Стоит Антось наш, не отходит:
«Ну что ж, пускай пером поводит,
Тут крыша есть, не на дождю,
Не пан я, малость подожду».
Вновь глянул писарь, негодуя,
На дядю, как на тещу злую,
И вновь в свои бумаги ткнулся,
А дядя и не шелохнулся.
Чиновник наконец вспылил:
«Тебе что надо тут?» — спросил

Сердитый, полный нетерпенья.
«Насчет землицы, вот прошенье», —
Ответил, не смутясь, наш дядька,
Да так приветливо, так сладко,
Что писарь только морду скорчил.
«Придется ждать, вопрос не срочный,
Приди часа так через три...»
Антось вздохнул: «Эх, черт дери!
Ах, выжига ты, вор проклятый,
На взятку, видно, все вы хваты.
Не жди добра от лиходея,
Три чирея тебе на шею!
Водили бы тебя слепого,
Как водишь за нос ты другого!»
Но как ни клял Антось пиявку,
А всё же отдал рубль за справку.



ПРИМЕЧАНИЯ

Якуб Колас широко известен читателю как поэт, прозаик, драматург, публицист. Его произведения неоднократно издавались на русском языке.

В сборник включены стихотворения и главы из поэмы «Новая земля».

В дооктябрьское время Якуб Колас слагал «песни-печали» о горькой доле родного края, о тяжелой жизни белорусского крестьянина. Но поэта никогда не оставляла надежда на лучшее будущее. Он верил в победу добра и правды.

Мировоззрение писателя формируется под влиянием революционных событий. В его творчестве этого периода идея необходимости социального и национального освобождения народа сливается с идеей неизбежности революции.

В лирике Якуба Коласа советского периода ведущими становятся тема социалистического строительства в нашей стране под руководством Коммунистической партии, тема Родины и интернациональной дружбы, героизм советского народа в годы Великой Отечественной войны. Поэт пишет публицистические стихи, создает яркие образцы пейзажной и философской лирики.

В советское время щедрый и многогранный поэтический талант Якуба Коласа проявился наиболее полно и богато.

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Не ищите, не просите...» *(стр. 15)* — одно из ранних стихотворений Якуба Коласа. Следуя замечательным традициям Н. А. Некрасова, Якуб Колас заявляет себя в белорусской поэзии как поэт-гражданин.

Основная цель его произведений: взволновать душу читателя, вызвать в нем стремление к борьбе за светлое будущее.

Родные образы *(стр. 17)*. — Стихотворение написано в 1908 году в Минской тюрьме, куда Якуб Колас был заточен на три года (1908—1911) за участие в нелегальном съезде революционно настроенных учителей Белоруссии (1906), за революционную работу среди крестьян и стихи, призывающие к свержению существующего строя.

Мужик *(стр. 18)* — наиболее известное стихотворение из дореволюционной политической лирики Якуба Коласа. Написано в 1909 году в тюрьме, в период жестокой царской реакции.

Будет гроза! *(стр. 26)*. — Здесь, как и в некоторых других стихотворениях Коласа («Песни весны», «Зазыванье весны»), образы природы приобретают аллегорический смысл. Поэт призывает к революции. Стихотворение явилось отзвуком на Ленские события 1912 года.

Полесье *(стр. 27)* — одно из стихотворений, посвященных Полесскому краю, где Якуб Колас работал учителем в 1902—1905 годах. Богатую природу Полесья, сильных, трудолюбивых, мужественных людей этого края Якуб Колас с любовью и высоким писательским мастерством изобразил в первых двух книгах трилогии «На росстанях» (в повестях «В полесской глуши» и «В глубине Полесья») и в повести «Трясина».

Бугай — бекас, болотная птица.

К труду! *(стр. 29)*. — Поэт, восхищенный перспективами, открывшимися после Великой Октябрьской революции, призывает народ к созидательному труду на вольной земле.

Поэтам советской земли *(стр. 34)*. — Стихотворение написано в связи с пленумом Правления Союза советских писателей СССР, который проходил 10—16 февраля 1936 года в Минске.

Пленум явился яркой демонстрацией дружбы и взаимного понимания братских литератур Советского Союза.

М. Д. М. *(стр. 40)*. — Стихотворение посвящено Марии Дмитриевне Мицкевич, жене поэта.

Узбекистану *(стр. 41)*. — С августа 1941 по ноябрь 1943 года Якуб Колас жил в Ташкенте во время эвакуации. Поэт написал это стихотворение незадолго до возвращения на родину.

В родных местах *(стр. 43)*. — Стихотворение связано с посещением любимых Коласом мест, где в тридцатых годах поэт отдыхал почти каждое лето.

Устье — поселок в Пуховичском районе Минской области, где Якуб Колас отдыхал в 1937 году.

События, описанные в поэме «Новая земля», происходят в одном из глухих уголков Белоруссии в конце XIX века.

Крестьянин Михал, у которого не было своей земли, вынужден пойти на службу лесником в богатейшее владение князя.

Жизнь на панской службе была нелегкой. У трудо-

любивого Михала появляется мысль обзавестись своей землей. Ему кажется, что тогда он обретет независимость и счастье. Не щадя своих сил трудится Михал, чтобы собрать деньги. Брат Михала Антон (Антось) едет в Вильно, чтобы получить разрешение на покупку земли и выхлопотать ссуду в земельном банке. Но Михал, подорвав свое здоровье тяжким трудом, умирает.

Якуб Колас приходит к выводу, что трудящийся человек добьется свободы и счастья на «новой земле», то есть тогда, когда свергнет своих эксплуататоров.

В поэме уделено много внимания крестьянским детям. Прообразами их послужили братья и сестры поэта, а мальчик Костусь — это сам поэт в детстве. Образы главных героев поэмы тоже биографичны. Михал, Ганна и Антон — это отец, мать и дядя поэта.

Дети в поэме живые, непосредственные, любознательные. Но вместе с тем дети — помощники родителей в их нелегком крестьянском труде.

Читатели этого сборника познакомятся с отдельными главами из поэмы «Новая земля».

Понаряд — колесный скат, колеса для телеги.

Директор. — В старой дореволюционной Белоруссии некоторые крестьяне, желая научить своих детей читать и писать, брали в дом грамотного подростка. Этих кочующих из дома в дом маленьких учителей называли «директорами».

Волока — мера земли.

Покров — название церковного праздника.

Кирпатый — курносый.

Пуга — кнут.

Вильна — старое название Вильнюса.

Манерка — фляжка.

Повет — уезд.

СОДЕРЖАНИЕ

М. Протасевич. Якуб Колас 5

СТИХОТВОРЕНИЯ

«Не ищите, не просите...» *Перевод Е. Мозолькова.* 15
Наша возьмет. *Перевод Б. Турганова* 16
Родные образы. *Перевод В. Цвелева* 17
Мужик. («Я — мужик, бедняк постылый...». *Перевод М. Исаковского* 18
В школу. *Перевод В. Азарова* 19
Дуб. *Перевод Н. Горулева* 21
Будь твердым. *Перевод Б. Турганова* . . . 25
Будет гроза! *Перевод Б. Турганова* 26
Полесье. («Край лесов, край болот...»). *Перевод М. Исаковского* 27
К труду! *Перевод Е. Мозолькова* 29
Эхо. *Перевод М. Исаковского* 30
Ночь. *Перевод М. Исаковского* 31
Песня о весне. *Перевод М. Исаковского* . . . 32
Поэтам советской земли. *Перевод Б. Иринина* . 34
Привет Москве. *Перевод А. Прокофьева* . . . 35
Копайте яму, долокопы. *Перевод С. Городецкого* . 39
М. Д. М. *Перевод П. Карабана* 40
Узбекистану. *Перевод С. Сомовой* 41
В родных местах. *Перевод Е. Мозолькова* . . 43
В пути. («Ты утомлен...»). *Перевод Е. Мозолькова* 45

ИЗ ПОЭМЫ «НОВАЯ ЗЕМЛЯ»

1. Усадьба лесника. *Перевод С. Городецкого* . . 49
14. «Директор». *Перевод С. Городецкого* . . 59
16. По вечерам. *Перевод С. Городецкого* . . . 68
19. На речке. *Перевод М. Исаковского* . . . 82
28. Дядя в Вильне. *Перевод П. Семынина* . . . 92
Примечания 107

Для среднего и старшего возраста

Якуб Колас

РОДНЫЕ ОБРАЗЫ

Стихотворения

ИБ № 6181

Ответственный редактор **Н. М. Мартынова**
Художественный редактор **И. Г. Найденова**
Технический редактор **Е. П. Кудиярова**
Корректоры
Л. А. Рогова и Н. Г. Худякова

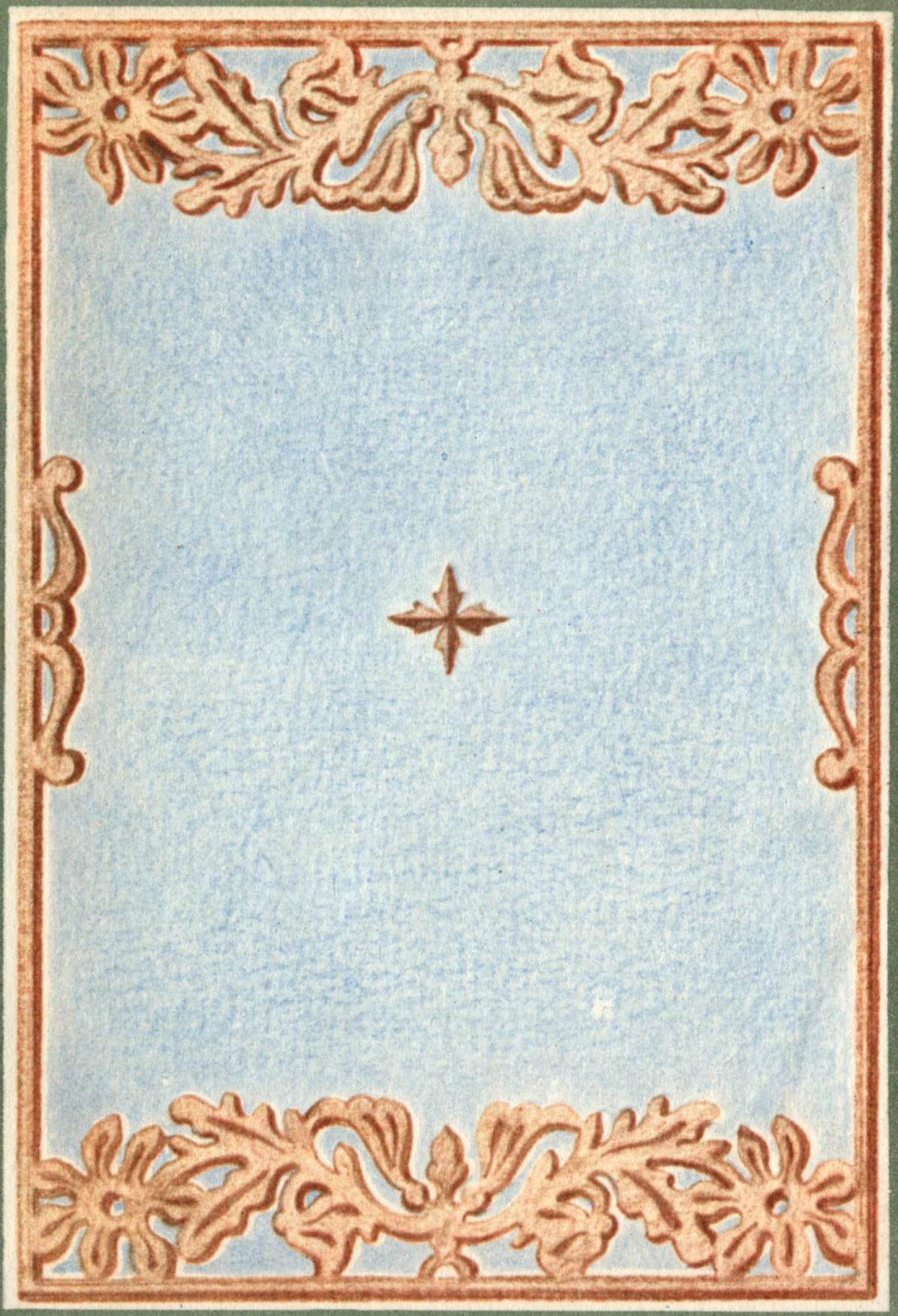
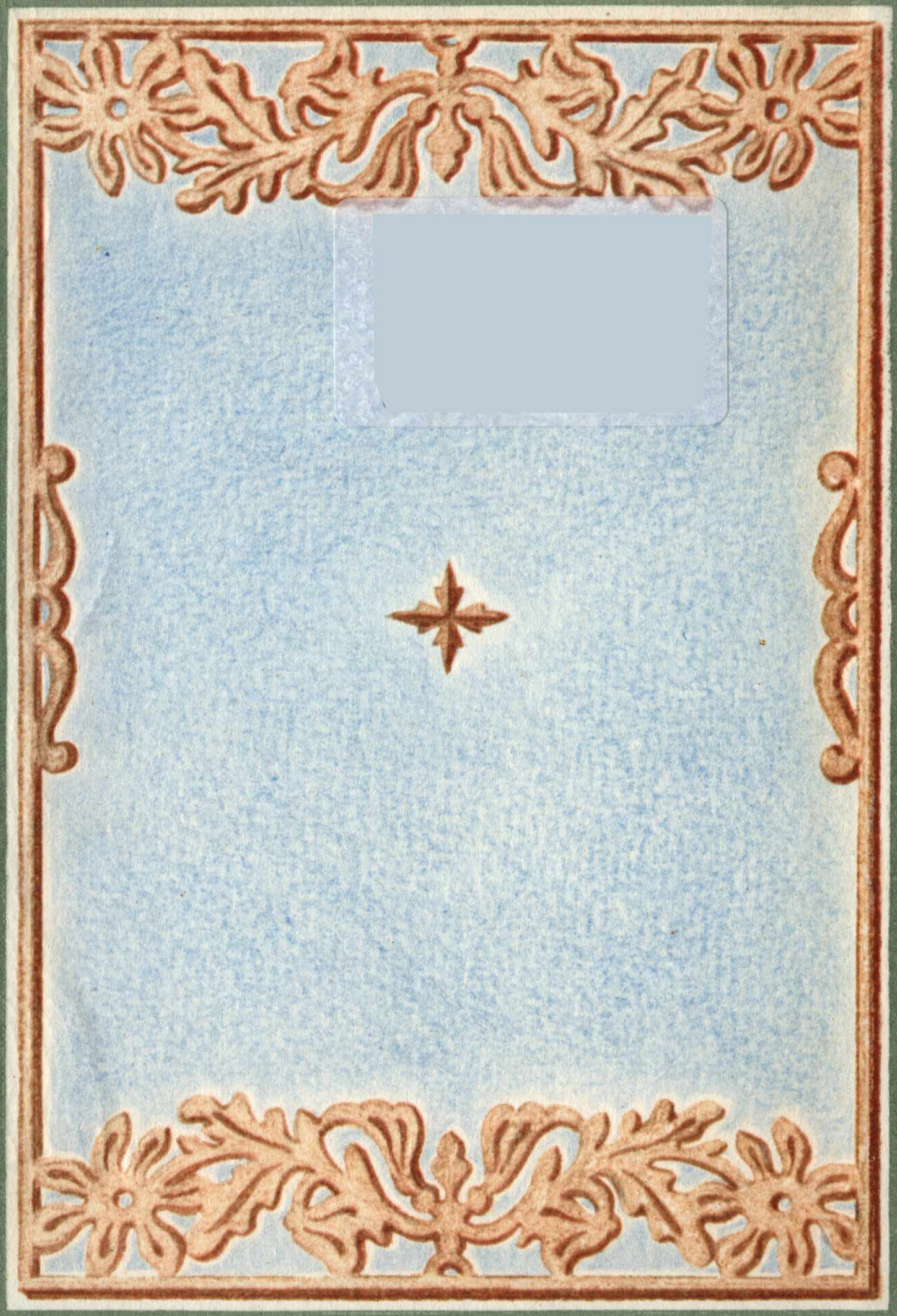
Сдано в набор 26.11.81. Подписано к печати 12.05.82. Формат 70×100 1/32. Бум. офс. № 1. Шрифт обыкновенный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 4,55. Усл. кр.-отт. 9,75. Уч.-изд. л. 4,3. Тираж 100 000 экз. Заказ № 274. Цена 30 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Москва. Центр, М. Черкасский пер., 1. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 193036, 2-я Советская, 7.

Колас Я.

К 60 Родные образы: Стихотворения/Пер. с бел.; Сост., предисл. и примеч. М. Протасевича; Рис. М. Лохмановой.—М.: Дет. лит., 1982.—111 с., ил.—(Поэтическая б-чка школьника).

В пер.: 30 к.

Сборник стихотворений основоположника советской белорусской литературы. Издается к 100-летию со дня рождения поэта.

4803010200—324
К——————————304—82 **С(Бел)2**
М 101 (03) 82